

Ольга Кавецкая

ТОЛЬКО СЛОВО ЖИВЁТ

стихотворения и переводы

Ольга Кавецкая

ТОЛЬКО СЛОВО ЖИВЕТ

стихотворения и переводы

Кавецкая О.

К 12 Только слово живет. – Тверь, 2013. – 340 с.

Ольга Кавецкая (род. 1987 г.) – поэт, писатель, переводчик, военный историк.

Данная книга является сборником стихотворений. Кроме стихотворений, в книгу вошли поэтические переводы со шведского, английского, итальянского, испанского, датского, немецкого, французского, латинского и арамейского языков. Подавляющее большинство переведенных произведений русскоязычному читателю неизвестно.

ISBN 978-5-9905042-1-9

© О. Кавецкая, текст, оформление, макет, 2013 г.

Ольга Кавецкая. Владикавказ, 2006 г.

Пространство слова

Поэзия есть попытка коммуникации. Усилие явить в слове глубинные течения мира. Мира, сквозь мятущуюся поверхность которого почти неслышимо Слово изначальное, к чьему создающему и животворящему току причастен поэт. Ощущая эту связь с вечным, поэт стремится – сознательно или нет – открыть его красоту человеку, но так же, как оно, теряется в заглушающем хаосе. Остается лишь надменный череп человеческого своеволия – Голгофа, «Черепная гора». Гора, ставшая миром горя, миром, где мы бьемся в отчаянии, как Мария Магдалина, страшно молчим, будто Дева Мария, или каменеем в последнем одиночестве, подобно Любимому Ученику. Мы, в толпе на мертвой горе – на мертвой точке людской ненависти и равнодушия.

Два тысячелетия длится мгновение смерти Спасителя – Слова предвечной Любви. Его смерть – наша жизнь.

Мы знаем, что Он воскрес, но для нас этого нет: мы видим лишь зло, творимое людьми в гибельной свободе воли. Стоим на Голгофе мира, и тень Креста длится криками попираемых и невинно убиенных.

Мы видим, к своему счастью, только часть. Чувствуем свою боль. Поэт видит шире и глубже, видит толпу в лицах, сознает мироздание как пространство Слова. В этом видении – его дар и трагедия.

Трагедия одиночества. Поэт единственен, и возможность существования равного ничтожно

мала. При этом лишь надежда на понимание дает ему силы говорить.

Говорить ради другого. Ни один *истинный* творец не создает для себя – он отдает себя, желая нести добро. Взывает к человеку, не умея молчать от любви к нему. И – следует за Христом на Голгофу.

Автор

Июль 2009 г., Владикавказ – 23 июля 2013 г., Тверь

СТИХОТВОРЕНИЯ

2008

В начале была боль, а после – Слово.
Творец без боли не имеет силы.
В начале боль была – первооснова
Ядра взрывающегося первомысли.

И в энтропическом зрачке светлело, зрело,
Предвиделось, предназначалось...
Без боли Слово смысла не имело.
Боль одиночества была в начале.

26/I-2008., 2.20.

На бездорожьях безверия

Одиночество Божье – в приметах земной
повилики,
В робких лицах старух и в щенячьих кошмарных
глазах –
Зверенышей, кем-то втоптанных в грязь на
развилке,
На которой пути – ни вперед, ни наверх, ни
назад.

Будто дали под дых и оставили около дома.
Только «около» это – есть ли оно где-нибудь?
Чем лечить, легче вкалывать до смерти морфий,
По ладони протянутой проще всего рубануть.

Одиночество Божье чернеется за паланкином,
И щенячьи глаза под ногами носильщиков гаснут.
И страшен бездумьем сонный взгляд, уходящий за
спиной
Тех, кто в адский огонь подливает лампадное
масло.

30/I-2008., 3.10.

Посреди мира

От молчания горечь во рту, как от мерзлого хлеба.
Ни завет, ни навет – лишь равнина на тысячи
верст,
И куда ни пойдешь в немоте голубого молебна –
Всюду хлеб твой несжатый в колею бездорожную
вмерз.

Бездорожье, на тысячи верст лишь одно
бездорожье,
Где змеиная злоба свивается в мертвой петле.
Бог поймет, и простит, и, должно быть, поможет...
Видишь нить золотую в небесной распоротой
мгле?

Ткань вселенская соткана непознаваемым Словом.
Эта нить, эта нить – тихий Логос над логовом
волчьим.
Помолись, помолись... Хлеб сей – Тело Христово,
Хлеб сей – речь, хлеб сей – путь, хлеб твой –
горечь.

И на синем снегу сновидения Иоахима
Отогрей мерзлый колос, пока еще руки теплы,
Отвори живой голос среди неизменных и мнимых,
С хлебом вечери Божьей – на последнем краю –
помолись.

13/IV-2008., 4.05.

Один

Своих возможностей заговоренный круг,
Другим ничто – ни брат, ни враг, ни друг,
Ни зло и ни добро, ни радость, ни тоска...
Лишь поручень теряет затекшая рука.
Да поручень тот – в поезде, летящем под откос.
И нет ни сна, ни яви, ни радости, ни слез.

19/V-2008., 22.50.

Благовестие

Через разрезанные розы вглубь металла
Крестовой авантюрной колеи
Шел свет, всепроникающий и алый,
С альпийско-аппенинской соли.

Сквозь еремитские пустыни и пещеры,
Сквозь звонкий неф глубокого собора
Шел свет туда, где мир лежал, ощерясь,
Волчицей варварской на идольском угоре.

Шел свет – затем, чтоб дочь Иaira
Могла восстать, могла дышать и жить...
Шел свет, и ямы глаз кровились,
Не изменяя гибельной души.

28/V-2008., 13.55.

Тоска

Ощущение граней и перегородок
Отдавало в горячую лобную кость,
Изнывало в тяжелых усилиях аорты
И не знало, что с гибнущим миром стряслось.

И гранили граниты органные истины,
Талым воском текла зарева кипень...
Было трудно дышать в этом воздухе – нитяном
От разорванных душ, бинтов и кисей.

Отдавало в лопатку, билось в выпитом черепе,
И тянула тоска позолоченным жалом
Из нефов, до дна белым светом исчерпанных,
Где длилась надежда и жизнь продолжалась.

29/V-2008., 22.55.

*«Увидел я ... крест над Иерусалимом,
от неба достигавший даже земли».*

(из проповеди Савонаролы)

Мне каждый мертвый – брат, когда мертвы
живые,
Когда и край – не край, и я – ничто в ничем,
И мир – не мир, а хаос нерушимый
Над непогасшею рождественской свечой.

И пахнет в доме хвоей и пустыней,
Огромною нитрийскою тоской.
И четки слов святого Августина
Звенят неисцеляющим крестом.

И мертвый мертв, и жизнь непоправима.
Чем ближе Бог, тем дальше друг и дом.
И золото Креста в земном Ерусалиме
Ты видел в одиночестве земном.

13/VI-2008., ок. 16.00. – 16.30.

Теснота

Не ходи за мной – я заблудился:
Никакому волку не догнать.
Только слышно, – мир идет Аттилой
Над моим убежищем без дна.

Не ищи меня – я не потеряю.
Здесь такая высота вокруг,
Что земные мёрила и меры
Выпадают из застывших рук.

Не зови меня, – я не услышу
В эту нескончаемую ночь,
Когда что-то мерное над крышей
Воду не отчается толочь.

Не ходи – заблудишься, не стоит.
Кто из нас не существует, кто –
В этом беспрепятственном покое
Раковины, втоптанной в ничто?

27/VI-2008., 21.05.

Здесь

Время текло рекой
В русле эпохи цензурной,
Заливая гуртом и гурьбой
Сверхъидейные амбразуры
Сверхдержавы. И сверх себя
На разрыве сплетений жили,
Дух спасая и тело губя;
И судьбина сучила жилы.
... От отчаяния, невтопад,
Прорываюсь своей эпохой,
Ощущая спиной приклад
При глубокой попытке вдоха.

5/VII-2008., 2.15.

Весь – вымаранная тетрадь
В попытках правки торопливой,
Что даже нечего сказать...
А боль права непоправимо.

А боль несказанно права
В разрывах ласковых иллюзий.
Все перечеркнуты слова,
И только: «Господи Иисусе...»

23/VII-2008., 21.20.

Нет богатства большего, чем люди.
Больше братства счастья не дано,
А оно в расколотой посуде
Обнажило треснувшее дно.

Родники бездумных откровений,
Речи исцеляющей просвет:
В этих человеческих единеньях
Со Всевышним единенье есть.

Господа спасительное слово
Опрозрачит теплота души.
Но закрыты двери на засовы,
И бездомно в этом доме жить.

Нет богатства большего, чем люди.
Слово меркнет, как дверной засов.
И в душе, как в треснувшей посуде, –
Пустота неизреченных слов.

6/IX-2008., 20.55.

Воскресение

Я молюсь перед черной иконой окна,
За которою мир, как иголка, затерян,
За которою я не одна – и одна –
И уравнена с миром светлою мерой.

Господь боли хранящей, я перед Тобой.
Слышу Слово Твое в сущем воздухе тленья.
На рассеянных землях с отцовских гробов,
Знаю, Господи, живы Твои Маккавеи.

Я в ночи не одна перед чадом провала,
За которым воскреснуть легко, как лучам.
В этот гибельный мрак Твоей гибнущей славы
Мы идем и идем воскресенье встречать.

7/IX-2008., 5.50.

Поэт

Тяжелая болезнь – сливаться с Богом в слове.
Но нет конца осмысленной беде,
И шелестит в крестовом изголовье
Сухая рожь услышанных смертей.

Начала нет ни у молитв, ни песен:
Они – до этих непослушных губ.
Так длится нескончаемая месса
Меж смертным дымом крематорных труб.

Снимает бесконечность все границы –
Живая бесконечность зрячих слов.
Как трудный сон, больному долго снится
Бессмысленных смертей вселенское число.

23/IX-2008., 21.05. – 22.05.

В храме

Обетованный свет сквозь робкие ресницы
Уходит вглубь яснеющих пустынь,
И больно с этим тихим Словом слиться,
Как с пенопенным заревом пустым.

У самой кромки вод, отозванных от тверди,
Сливаться в первозданной чистоте
Меж двух стихий – с Неназванною Третьей,
Еще не обреченной на кресте...

1/X-2008., 2.20.

О. Мандельштаму

«Читателя, советчика, врача!» –
Врага, чтобы понять: с тобою никого;
И время в изголовье на часах
Стоит, как остановленность шагов.

Ночного слуха остановка: кто?..
И камень вместо хлеба – после смерти.
Высоковольтной памяти мотком
Гудит тот зов в российских дебрях ветра.

Не в короб, а из короба воззвал,
Как Неуслышанный – в пустыне Галилеи.
Безмирие. Безбожие. Провал.
«Россия, Лета, Лорелея...»*

6/X-2008., 22.25.

* Слова из стихотворения Мандельштама 1917 года.

Владикавказ

Стихарь крепости на улицах расхожих.
Прорись неизведанного дня.
Горной близости сухая многосложность
В безыскусном говоре огня.

Так же светом вылеплены лица.
Речь чужая – горький водопой.
Этот полдень бесконечно длится,
Словно взгляд до зоркости слепой.

Старый Терек все поет о том же.
И неизъяснима лития,
Кровью оживленная под кожей,
Как иная память бытия.

12/X-2008., 1.58.

Не умереть, а только омертветь,
Закончить то, что длилось, лиловая,
Пока ты мог не видеть, но смотреть
И ждать спасения в пустыне Галилеи.

Пока была пустыня, как надежда
На благодать наверного конца.
Не умереть – к малиновым одеждам
Припасть – и в страхе не поднять лица.

Что адский холод, что тепло Господне,
Что бьющие, что ласковые руки:
Одно неколебимое Сегодня,
И бесконечности зияющая скука.

19/X-2008., 3.20. – 4.05.

Пока еще молюсь, со мною Адонаи
И длится Слово – нитяная весть.
И в рубище блаженном не одна я:
Единоверцев нет, но и числа им несть.

Под полумесяцем, под куполом созвездий,
Под зорким перекрестием звучат
В беспомыслии ночном родные вести,
И пред Ковчегом теплится свеча.

Пока молюсь – живу, пока молюсь – я с ними,
У древа Авраама путник поздний.
А может, я опять у той осины,
Где гаснут обезбоженные звезды...

25/X-2008., 3.40.

Людская полынь – горевое раздолье
На пустыре ослепленной земли.
Свет Божий горит искупительной болью
По этим путям, что слиться могли.

И шарят, и шарят напрасные руки
Вдоль лиц, текущих сонным потоком.
Ни жизни, ни смерти, ни слова, ни друга.
Я сам лишь слепая полынь у дороги.

2/XI-2008., 3.10. – 3.55.

Я живу, как пою Аллилуйю из гроба:
Только слово живет. Только слово – душа.
Только слово живет, как бессонный некрополь,
Только память оплаченных звуков свежа.

То ли это псалмы, то ли песнь-каторжанка,
То ли чьей-то судьбы запоздалая весть:
Аллилуйя звучит в своей близости жаркой
К голубым хрусталям, затихающим в свет.

2/XI-2008., 3.58. – 4.40.

Ты ночь безлунная, остывший мрак.
Ни зги не видно в этой жизни,
Где боль – звериный хлесткий страх –
Огнем немое тело лижет.

И в лихорадке, в лихой радости
Неявленного миру чуда
Плетей многоязычных сладостью
Звучит литания Иуды.

И только голос мой неспрошенный
На диком пепелище длится,
Среди глухих и обезбоженных,
Где завязь вечности томится.

6/XI-2008., 23.50. – 1.50.

Утешь меня, родная Божья боль,
Моя покорность и моя надежда.
Я в тишину вступаю за тобой,
Но только звезды над распятым те же.

Утешь меня цветением своим,
Как жезла Аарона среди спящих.
Моя чужая боль, из мертво-живых
Ты выбираешь гибнущих и зрячих.

17/XI-2008., 00.45.

Не остави

Перед Богом каждый одинок.
Каждый быть с Ним одинок не вправе.
Смерть проходит. Остается Бог,
Как простое «Боже, не остави».

Бытие давно предрешено.
Души растворяются в тумане.
И лишь губы шепчут все одно:
«Эли, Эли, лмана савахани...»*

6/ХІІ-2008., 00.28.

* «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?»
(арам.) – слова Христа на кресте.

Родина моя, пустой колодец,
На песке затверженный урок!..
Горек отрекающейся плоти
Твой на тризне схваченный кусок.

В мировом пространстве нет разлуки,
Только – ожидание конца.
Каждой речи выпетые звуки
Прославляют моего Отца.

Благодатен будь, ранимый солнцем,
Богом непочатый донный край.
Цепь еще гремит в глухом колодце,
Кем-то оброненная вчера.

9/XII-2008., 5.05. – 5.35.

... А одиночество – как отнятая вера,
Где ледяная яма Бога тяжела,
И жизнь – лишь полуправда, полумера,
Полупрозрачная, полужива.

Но утешительна родная Божья боль,
Что, тело выпевая, выпивает
И плетью увлекает за собой,
Невидимая, слепая.

А одиночество – отравленная плоть
На Евхаристии в земных началах,
Где та гроза кровавый смыла пот,
А тело ничего не означало.

17/XII-2008., 4.30. – 5.35.

Сан Марко*

Савонароле

В порту** мятежном неподвижность,
Обломки челна под водой.
Принявший всех и всех простивший
Один в истоме восковой.

И ни души – лишь, может, души...
В соленых сводах нет конца.
И вечный пастырь вечно служит
Обедню Вечного Отца.

26/XII-2008., 2.40. – 3.00.

* Сан Марко – монастырь Савонаролы.

** Порт – так Савонарола назвал монашескую жизнь в одной из своих проповедей.

2009

О. Мандельштаму

Усмиренная смертью болезнь –
Жизнь, где «казни» как «песни» читались
И от детских опухших желез
Островки бытия начинались.

Жизнь, что шла колесом – да под гору,
Где кумира стоглазая стынь...
А мы следом дошли до упора,
До конца бессловесных пустынь.

Не казнимы, не биты, не смяты,
Вашей чести жестокой чужды,
Мы бесслезно, безвестно, невнятно
В посмертье пытаемся жить.

5/I-2009., 2.20.

Себе

Без боли Бога нет, как боли нет без Бога.
Иди же за Христом, за ранящим крестом,
Чтобы в предсмертном бытии глубоком
Ловить, как воздух, имя Бога ртом,

Не прекословить Божьей боли – Божьей воле,
В страдании слова молитв искать
И на своей крови в невсхожем поле
В отчаянье Христовом воскресать.

10/I-2009., 6.05., 17.25.

Душа моя – пустыня Божьей воли,
Немого звука грубые извивы –
Отметины моей счастливой боли –
На солнечном полуземном разливе.

В пустыне Слова весть не умолкает.
А за окном провал уже намечен,
И черные снега, как переулки, тают
Над котлованом славы человечьей.

20/I-2009., 20.25.

Одних имен звучащий «Символ веры»
Нам остается в одиноком храме, –
А может быть, в последней земной мере,
А может быть, на крайней из окраин...

И длится месса памяти неслышной –
Причастие вселенских безначалий.
Все имена едины во Всевышнем:
Мы никого из них не потеряли.

26/I-2009., 00.55.

Вину перед Христом за крестную тоску
Искупит боль, лишь только бы из ямы
Сведенных рук и напряженных скул
Виднелось в высоте танцующее пламя.

Ты зрение мое, как веру, сохрани,
Узорчатая сень ударов зорких – Боже,
Чтоб не воззвать «Лмана савахтани»
С голгофского всемирного подножья.

6/II-2009., 1.30. – 1.45.

Во время гипертонического криза

*In memoriam ****

Удостоенный чести Божьей
Быть в объятиях благодатных
Прежде крови моей невсхожей,
Раньше жгущих последний ладан.

Всепрощающим к Свету призван.
Отделяет Бог свет от мрака.
Льется через земную призму
Тень моя неживого страха.

Мои мольбы Господь услышал.
В вечном Слове – единство наше.
Ты теперь всех живущих ближе.
Мне с тобою ничто не страшно.

11/II-2009., 3.00. – 3.15.

Стоит к далекой вершине рваться –
Ради Бога и боли в усталых мышцах,
Чтоб след тянулся красным кварцем
В часовом механизме усилий высших.

Стоит ползти из последней злости,
Чувствуя боль, как оскомину жизни,
Мертвые камни сжимая в горсти,
Будто единственных верных ближних.

Стоит ползти, чтобы задохнуться
На той вершине у подножия Бога.
Слава Всевышнему, что вернуться
Некуда, чтоб переменить дорогу.

20/II; 6/III-2009., 00.50.

Вера тяжка, как полет плети
Над изнуренной плотью.
Сам в пророки взлететь метил,
Да пустота в полете.

Слава Тебе, Отец, – казнящий,
Чтоб воскресить нас к жизни.
Под Твоей плетью манящей
Кровь Иисуса брызжет.

23/II-2009., 22.00. – 22.20.

«Минет меня чаша сия», –
Но и чаша – пуста.
Одинока Твоя, Мессия,
Спасительная высота.

Всевышний Тебя оставил,
Чтобы призвать к Себе.
Лишь боль в ее вечной славе –
Исцелительница скорбей.

6/III-2009., 22.25.

Дай сил нам, Отец,
Чашу испить.
Твой Сын на кресте
Будто бы спит.

В молчанье Его
Стынет земля.
Здесь нет ничего, –
Правда Твоя.

12/III-2009., 00.35.

Осетия

Длинные горные перевалы, –
но какого же горя?
Стою в суете вокзала –
или свечного хора.

На обугленной людной фреске –
лица живые скупы.
В изломах страдания резких –
звавшие Бога губы.

Средокрестием боли звонкой
стала в моем ты храме,
Осетия в небесной конхе*
с пропастью под ногами.

13/III-2009., 00.08. – 00.42.

* Конха – свод апсиды (завершения нефа).

Мой народ – страдальцы твои, Голгофа,
Родина – твои камни.
В темноте неслышанного зова
Веру оставь мне.

13/III-2009., 1.50.

Кавказ

Изломы земных усилий,
Триумф человеческих мук, –
Вершины твои застыли
В пасхальный неслыханный звук.

В обрыве обманной крипты,
В сияющей Божьей мгле
За темною веткою мирта
Тянусь над потоком лет.

По зову глухих ущелий
В твоём перекрестии, жизнь,
К намеченной в небе цели
Я падаю камнем вниз.

15/III-2009., 21.00. – 21.35.

Триединство восславил
Триразлукой креста.
Несмолкаемо *Ave*
Твое, высота.

Вне пространства и времени
Не спасли, не спасут
Ни вериги, ни вервии –
Только боль, Иисус.

Сделай скорбь нашу радостью –
Да во славу Твою,
Чтоб с последней усталостью
Дослужить литию.

Крепок мир этот казнями,
Да увенчан Пьетой.
Сделай смерть нашу праздником –
Высотой, пустотой...

20/III-2009., 18.30.

Ждать, когда Всевышний призовет,
Знать, как тает небывалый лед,
Ждать всю жизнь, где камни говорят –
Неземной тяжелый виноград.

Знать, как пропасть держит на весу
Той воды отравленную суть...
До лозы последней боль собрать,
Чтобы больше ничего не ждать.

*26/III-2009., 2.15.
Во время болезни*

Прояви на нас Свою всемилость –
Покарай, повергни, укроти,
Чтобы кровь в височной чаше билась
На последнем истинном пути,

Чтоб воды не дали нам, жалея,
Чтобы след остался за крестом,
Чтобы в неизбывной Галилее
Ловить Божье имя мертвым ртом.

Прояви на нас Свою всеблагость –
Помоги, помилуй, утоли,
Чтобы боль Твоя не расплескалась
В безответных сумерках земли.

4/IV-2009., 4.05.

Воздух мира

... А воздух – только пустота
В воронке взрыва,
Где песчинки жизни
Исчезли, как в часах,
Наполовину захороненных в планете.
А воздух – только пустота
Между наивных пальцев
Фатиминой руки*
На взорванной земле
Между обрывков рук и сур,
Разъединенных болью,
Уже не держащихся за пресловутый воздух.
А воздух – только передатчик крика
На частоте немилостивого сердца.
И, задыхаясь в этой пустоте,
Шепчу молитвы в то время,
Когда...

5/IV-2009., 5.20.

* Мусульманский оберег в виде ладони.

Приняв веру в смерть,
Подводить черту.
Только бы суметь
Подойти к Кресту.

Мир на алтаре.
Проклят жизни шум.
В Черепной горе
Человечий ум.

6/IV-2009., 6.35.

Imagines mortis*
В просторечной толпе.
О живых и о мертвых
Молюсь – о себе.

Подобия движутся
К ясной бездне души.
Отче наш, иже еси,
Да не удержи.

В пространстве страдания –
Лишь вверх или вниз.
В Твоей бездне останутся
Нам смерть – или жизнь.

12/IV-2009., 20.45. – 21.20.

* Образы смерти. – лат.

В начале дней
Брат предал брата.
Горим в огне
В кругах возврата.

Живущий мертв,
Мертвец живет.
Родная кровь –
Чужая вера.

13/IV-2009., 17.30.

Боль Господня

Считаю счастье свое, Господь,
По числу ударов Твоих.
Одна кровь и плоть –
От мира живых.

Читаю весть о Сыне Твоем
По горящим во тьме рубцам.
... Мы в Боге живем –
Пока боль в сердцах.

18/IV-2009., 3.20.

Нет в Боге одиночества людского,
И боль звучит воскресной аллилуйей
В прозрачной сфере длящегося Слова,
На четках повторяемого всеу.

22/IV-2009., 4.25.

Сквозь боль

Уйти от самого себя,
Чтобы выплакаться, не стыдясь,
Там, где тянется красная вязь
Сквозь непройденную ипостась
Себя...

23/IV-2009., 20.10.

Пред закрытыми глазами – бездна.
Сохрани мне зрение мое, –
Пусть без сил, без света, без надежды,
Но зато живое бытие.

30/IV-2009., 19.40.

В пустыне земных усилий
Глубок только песок.
Копаем себе могилы, –
Занесет ветерок.*

1/V-2009., 4.20.

* Реминисценция действия, некогда принятого у жителей Аравии: одинокий путник, предчувствуя смерть, копал себе могилу и, расположившись в ней, засыпал себя песком, оставляя открытым только лицо – в надежде, что последнюю горсть бросит ветер.

Не жалеть, не просить и верить.
Крестной муки ты малая часть.
Будет длиться до самой смерти
На Голгофе последний час.

8/V-2009., 3.20.

Когда нет ничего, – есть Бог.
Потеря веры – истинно потеря,
И ты стоишь, бессильный и слепой,
У края пропасти людской,
В ее существование не веря.

10/V-2009., 3.55.

Савонароле

Увенчали тебя красной митрой...
Слава Божья стоит на крови.
Вечный голубь с сухой ветвью мирта
Причащает страданий Троиц.

Только в боли величие наше.
Но с креста своего оглядись:
Белый голубь, над смертью поднявшись,
Мертвым камнем срывается вниз.

13/V-2009., 2.55.

Т.Э. Лоуренсу

Сорок семь лет –
Будто просвистела плетъ
Над тобою.
Радость боли,
Горе боли –
Божья воля,
Божья слава.
Боже правый –
На крови.
Мир живых –
Мертвый Сын Твой.
Каждый, кто в крови, святой
Пред Тобою.
Ласка боли,
Сила боли,
Слава боли
В светлом Слове
На Голгофе –
До конца.

13/V-2009., 19.30.

Нет пророка и нет самарянина:
Боже правый, веди меня.
Этот взгляд моей болью раненный,
И терновый венец не снят.

Всякий страждущий – да утешится:
Дай мне боли испытать сполна.
Меж плетей Твоих мне мережится
Неба ясная глубина.

В этой скорби с Тобой мы единые –
Отреченные, на кресте.
Но горит, как сияние скинии,
Кровь, бегущая из-под плетей.

6/VI-2009., 2.40.

Палящая боль
Духа Святого –
Земная юдоль
Тела Христова.

Всякий причастен,
Никто не отпущен:
Мертвый и зрячий,
Слепец и живущий.

Господняя Весть –
Полная боли.
Спасающий свет –
Земные побои.

13/VI-2009., 1.25. – 1.53.

Мне бы хотелось быть садовником,
чтоб ухаживать за розами на могилах
и читать имена на плитах,
как молитву.

Мне бы хотелось быть садовником,
чтоб оберегать неутешающие розы,
осознавать свою суету
и покой
мертвых.

Мне бы хотелось быть садовником,
чтобы чувствовать небытие
живых
и бытие
мертвых
в каплях росы,
бывших некогда кровью
в невоскрешающем круговороте
мира.

25/VI-2009., 3.00. – 5.10.

Я хочу ничего не чувствовать,
быть камнем в стене
маленькой тихой церкви –
терпящим тяжесть
свою и других,
стынувшим
и согревающим,
ничтожным
и значимым,
видящим тьму
и свет,
знающим холод
и тепло;
быть камнем на линии
небытия
и бытия.
Я слышу литии
и вижу кресты,
но не могу помочь.
Я даже не камень,
чтоб удержать
рушащиеся стены.
Даже не камень,
чтобы молчать
с другими.
Но, словно камень,
ощущаю
раскалывающую боль
тяжести.

25/VI-2009., 5.30.

Начинался день,
и не кончалась смерть.
Мне хотелось просить Тебя
добить мир,
как раненное животное.
Но начинался день,
и становилась обычной смерть.
Я прошу у Тебя:
не дай нам привыкнуть.

1/VII-2009., 1.05.

Я не один, когда один,
А меж людей неслышно Бога.
И выучены все пути,
И нет ни края, ни порога,

Ни сна, ни ведома, ни слез –
Лишь день, беспамятный и грубый,
И горькая чужая гроздь,
Что сиротит немые губы.

9/VII-2009., 12.35.

*Поезд Санкт-Петербург – Владикавказ,
подъезжая к Липецку.*

Я словно дом с разбитыми окнами –
опустевший,
невидящий,
знающий
лишь боль,
накопленную внутри стен,
ставшую стенами,
которые стоят,
ибо должны помнить о тех,
кого больше нет на земле.

9/VII-2009., 21.47.

*Поезд Санкт-Петербург – Владикавказ,
Ростовская область.*

Терек

Струящаяся бесконечность,
поток памяти,
не знающий ни покоя, ни времени –
лишь холод собственных вод –
неодолимого одиночества
в жилке,
неразличимой
на карте жизни.

16/VII-2009., 00.55.

Владикавказ

Жить в аскезе мысли,
как в пустыне,
где Вселенная сияет песчинками бытия
под изнуряющим солнцем
Бога.

21/VII-2009., ок. 4.30.

Владикавказ

Освобождая душу,
Ты убиваешь тело.
Мир уже и уже,
А свет белый-белый.

Твоей болью хранимы,
Своей болью объаты.
Мир спящих и мнимых
Есть Сын Твой распятый.

30/VII-2009., 5.30.

*Владикавказ, гостиница «Кавказ»,
за час до поезда, после вызова
«скорой» (давление).*

Скользит уток времени,
создавая ткань жизни
для савана.

5/VIII-2009., 2.35.

Образ жизни земной – этот желтый
Беспощадный, беспомощный прах:
Острой жалящей болью прошел ты,
Как проходит бессмысленный страх.

Ждем в предсмертном быту оправданий,
Бытием называя конец.
Нашей истины завтра не станет
На разрыве усталых сердец.

Взмахи желтых ветвей прорастали
На потоках кровавой зимы.
Мы ничто о Тебе не узнали –
И теперь не находим, кто мы.

12/VIII-2009., 5.10. – 5.25.

Тень весов из Страшного Суда –
Жизни перекошенной омега.
Господи, от Твоего Креста
Длится след кровавый человека.

Длится тень обещанного дня
Криками убиенных безвинно.
Мир лежит, будто с распятия снят,
И во тьме распятия невидно.

11/VIII., 3.50.; 17/VIII-2009., 3.30.

Я хотел бы умереть во время молитвы,
как произнесенное слово.

23/VIII-2009., 4.15.

Тело – образ смерти,
который душа попирает,
как воскресший Христос –
край гроба.

30/VIII-2009., 4.30.

Мы – только слепцы,
смотрящиеся в зеркало гроба.

4/IX-2009., 3.30.

«Кирие елейзон» в стуке сердца –
голос мертвого тела
в пустыне разума,
где первые века христианства
длятся
мученичеством одиночества
и силой веры.

26/IX-2009., 3.05.

На жертвеннике мира –
попранный дар Господень.
Боль длится, чтобы исчезнуть,
как дым,
в небе.
И душа застывает
каплей крови
на чудотворной иконе веры.

22/X-2009., 4.55.

Схожу на нет,
словно слабеющий голос,
и в тишине одиночества
остается звучать
только Логос.

28/X-2009., 5.10.

Все, что вижу,
вижу во тьме.
Везде, где хожу, –
харры*
застывшей боли.
Вся земля –
могила,
и каждый –
мертв,
словно в прошлом.
Я – в прошлом,
ибо нет со мною
живых.
В терновнике одиночества
запутался, как будущий агнец.
И нет страха,
ибо всюду Бог.

31/X-2009., 00.14.

* Лавовые поля в пустыне.

Сотворение

Нет одиночества в Боге,
нет утешения в смерти.
Плоть умирает в волнах боли:
восходит солнце –
обжигающее осознание Бога.
И нет сумерек в красных волнах,
и нет одиночества в боли.

6/XI-2009., 2.45. – 2.58.

Свечу, зажженную для молитвы,
заслонить от ветра,
чтобы явь бытия
не угасла в порывах жизни.

16/XI-2009., 7.15.

Страх присутствует внутри,
как птица, сжатая в ладони
пред алтарем.
Искупление одиночеством,
одиночество искупления:
крест, растущий внутри.
И нет больше страха.

19/XI-2009., 23.55. – 23.58.

Жизнь – как крик:
«Брат мой!..»
Кончится,
когда потеряю голос.

30/XI-2009., 00.35.

Одиночество

В небытие людской памяти
сойти,
как в провал
собственного сердца,
где не было
никого.

5/XII-2009., 1.10.

2010

Стук молотков на Голгофе
звучит метрономом истории,
и падает жаркая кровь
на каменную землю.
Начало в конце
или конец в начале?
Безвременье.
Только стук молотков
ударяет китайской пыткой
по затылку,
капля долбит камень,
и одиночество
остановилось на часах.

21/I-2010., 12.35.

Verus Amor*

Начало неба –
в том Божьем даре,
где единство двоих
звучит Аллилуйей бесконечного бытия
и заставляет
верить.

27/I-2010., 2.25.

* Истинная любовь. – лат.

Явь
сузилась до одиночества,
как пристальный взгляд
в неизвестность.

2/II-2010., 5.05.

Размытая глина толпы
в общих могилах улиц.
Где-то на этом кладбище
и ты,
мой неназванный брат.
Ухожу,
чтобы вымыть лицо от липких взглядов
и сползать
по стене плача своей комнаты,
едва узнавая собственную жизнь,
как вернувшийся с того света.

7/II-2010., 3.25.

Асимптота жизни,
симптомы смерти,
нож инородного пространства,
агнец, запутавшийся в терновнике,
Христос в венце земного небытия:
это Акеда* Твоя, Господи.
И я живу словно чужую жизнь,
ощущаю не свою боль
и знаю, что с последним ударом
придет Воскресение.

10/II-2010., 14.40.

* Акеда – приношение Авраамом сына в жертву Богу. В последнее мгновение ангел остановил Авраама, и для жертвы был избран агнец, запутавшийся в терновнике.

Задыхаться собственным сердцем,
когда оно бьется одним «Боже!» –
и это молитва
во славу Твою,
моя сила
и моя жизнь.
И хрип боли –
«Слава в вышних»,
и мрак слез –
мой свет,
в котором я – живее тех,
кто свободно дышит
грудью, полной
Твоего отсутствия.

21/II-2010., 13.55.

Что же, с Богом!..
В этом душном вагоне
обесмысленных лиц
постепенно доберемся
до остановки сердца.

2/III-2010., 6.15.

Рыба памяти
бьется на берегу,
где когда-то стоял мой дом.

6/III-2010., 2.17.

Серебристый ток чужой речи
окутывает мои мысли,
как влажная прохлада полотенца
на горячем лбу
в беспамятстве.

6/III-2010., 2.20.

Я кожей прослеживаю
траекторию жизни,
что полетом плети
запечатлевается на теле.
Дальше нет смерти.

10/III-2010., 1.25.

«Брат мой!» –
так бьется сердце.
Иногда его голос срывается,
и тишина подступает,
как незнакомые слезы.

12/III-2010., 18.25.

Конец – в неверии.
Пустота
души в храме
и храма – в душе.
Смертельное молчание.
Без Бога жизни нет.
И мы будем жить,
пока мы можем верить.

29/III-2010., 17.30

Жизнь до смерти чужая,
и на кладбище смутной толпы
я напрасно ищу своих братьев.

3/IV-2010., 11.20.

Нет, смерть не разделяет.
Она снимает все преграды –
пространство,
расстояние,
время –
и соединяет
в бессмертии веры,
где нет одиночества.

6/IV-2010., 1.25.

Счастье
проясняется в боли
и становится истиной:
камень отвален от входа,
и луч света
проникает мгновение тишины.

16/IV-2010., 3.40.

Боль

Пропасьть призывает пропасть,
жизнь призывает жизнь.
Господи,
в этом разломе
да будет звучать Твое Имя,
разрывая грудь
радостью Бытия.

22/IV-2010., 3.33.

Жизнь – отсроченная смерть,
где мы создаем себя
перед последним ударом,
проверяющим нас на прочность.

9/V-2010., 1.40.

С зоркостью живительной боли
я сознаю Твой свет, Отец,
в своей душе,
тогда как земные глаза
видят лишь корку смерти
и, не насытившись,
гаснут к утру.

9/V-2010., 1.55.

Мне нет места
на этой могильной земле,
а небо
разрывает грудь
сияющими ударами моего сердца.
И сказать «Господи» –
как вздохнуть
после крика пропасти
чужой жизни.

13/V-2010., 1.13. – 1.20.

Мне тишина дороже брата,
как час молитвы
в нераскаянном воздухе
чужой жизни.
Тишина,
чтоб услышать крещендо пропасти
и раствориться
в преклонении Синая
перед вечным Единством.

22/V-2010., 6.45.

Жизнь – длиною в молитву,
но негде на колени встать.
Хочу слышать узорчатую тишину листьев –
и ловлю воздух небытия.

1/VI-2010., 8.30. – 8.35.

Все принимаю, как есть.
Все принимаю, как смерть.
Всю жизнь угасаю с Тобой
над каменной землей.
Знаю: в последнем одиночестве
есть радость бесконечности
и в последней усталости –
бесконечность радости.

8/VI-2010., 9.00.

Небо выплеснуто помоями
на попанную землю.
Мир в конвульсиях боли,
и Распятие длится криком.
Некараемый,
неискупаемый
бездонный мир –
как приступ удушья.
Без Тебя нет дыхания,
и никто никому не нужен.

12/VI-2010., 1.10.

Затишье

При лунной сонате тишины
чист мир
в расселинах наитий
меж обрывов застывшего крика.

3/VII-2010., 14.35.

Да будет жизнь
единой силой молитвы
в лихорадочную ночь боли,
обостряющейся к рассвету
бытия.

8/VII-2010., 3.35.

Поезд Санкт-Петербург – Владикавказ

Неутоляющее время исчезает
в трещинах беспамятства земли,
богатое зерно смерть сеет,
и карты городов обломками начерчены.
Но сквозь Хаос
пробивается свет веры,
как рассветный луч
нового Иерусалима.

13/VII-2010., 2.40.

Владикавказ

За окном комнаты моего разума,
где длится бессонница жизни, –
тревожный свет начертал смутный город,
как ту тяжесть на пиру Вальтасара.
Надвигающаяся гроза сжимает сознание,
и я только мучительно жду
освобождающей молнии
последнего удара,
как отблеска небесного Иерусалима.

17/VII-2010., 22.30. – 22.35.
Владикавказ

С каждым провалом сильнее,
С каждой тоской богаче.
Только все больше мелею,
Только давно не плачу.

С Богом сливаюсь болью,
Жизнь принимаю молча.
... Светлое-светлое поле,
Тихое-тихое «Отче...»

12/VIII-2010., 20.30.

Слияние

Во тьме тела
узнать на ощупь
сияющее бытие,
соединившись в освобождении души
на одно мгновение
вечности.

14/VIII-2010., 5.10. – 6.10.

Единение

Луч бытия
проникает темные воды хаоса.
Свет соединенных душ
преодолевает мрак тела
в восторге предвкушения
вечности.

17/VIII-2010., 4.50.

Бичевание

Т.Э. Лоуренсу

Под тоску искупительной плети –
как под живительный дождь
в пустыне одиночества:
утолить боль
собственной жертвенной кровью
и в радости страдания
на миг
воскреснуть.

18/VIII-2010., 5.30.

Голос в сумерках Голгофы.
Одиночество боли.
Боль одиночества.
Кровь вопиет от земли тела.
Крик боли
течет в жилах
под братским ножом.
И тело –
пространство креста,
где бытие нарастает
с силой
освобождающей боли:
«Господи!..»

26/VIII-2010., 19.15.

Абсолют

Боль
линиями пространства
свивается в жаркий узел.
Вспышки молний
в слепую ночь
еще позволяют видеть
край одиночества.
И я принимаю боль,
как веру,
над пропастью Твоей Голгофы.

30/VIII-2010., 21.50. – 21.58.

Правдива только боль,
а жизнь – ее оттенки,
где сердце бьется,
как Магдалина, у креста
мертвеющего тела.
Час одиночества – час смерти,
в который – ни живых, ни мертвых –
только Бог.
И только бесконечность веры –
бесконечность.
И вестники у входа...

7/IX-2010., 00.25.

Наблюдать время,
как облака
в глубоком смысле неба,
лежа посреди мира
в собственной крови.

17/IX-2010., 18.40.

Счастливым быть поэту не к лицу.
Ты посреди искрящейся Вселенной,
Ты в центре человеческой геенны,
Не близкий ни к началу, ни к концу.

18/IX-2010., 16.50.

Длительность

(Петра*)

Город высечен в камне отчаяния,
и красные обломки усилий
покоятся в тишине заходящего солнца.
Движения песков омывают углы,
распутья,
раздумья
на берегу глубокой пустыни
одинокчества.

26/IX-2010., 19.10.

* Петра – мертвый город, высеченный в скалах, на территории современной Иордании.

Время шумит
в мертвой раковине мира,
как эхо множества
одинокостей.

26/IX-2010., 19.20.

И на крайнем обрыве хранимый,
Вижу в памяти зоркой и мнимой,
Как за клубами черного дыма
Серафимы горят, серафимы.

Сжато горло пространства удушьем,
Непостроенный храм ненарушен.
Узел памяти туже и туже,
Голос в зареве глуше и глуше.

Мир струится беспмятным дымом.
Губы ловят последнее имя.
Неказимы, незримы, одни мы.
Но летят над огнем серафимы...

12/X-2010., 2.25.

The Effort

I climb a cloudy, luminous hill,
I measure my road alone.
This way is my promising will,
My friend is every stone.

I climb a gloomy, vanishing crest.
The sky peals above the unknown.
I choke in my exhausted chest,
And the way is but a feverish moan.

October 15, 2010
3.50 – 3.58 p.m.

Жить, обнимая твой крест,
и от бессонницы одиночества
выспаться – в смерть.
Умереть –
как тебя обнять
и себя с креста –
снять.

21/X-2010., 2.45.

Слияние

(II)

Вызволённые ласками души
соединяются на одно мгновение вечности,
отражаясь в телах,
как Божий замысел –
в водах Хаоса.

26/X-2010., 00.50.

То душа твоя
была избичевана.
Твоя душа
была брошена под черный дождь.
Твоя душа
была погребена
до воскресения – в любви.
Шесть дней небытия,
шесть дней сотворения
твоей веры
из глубин любви.
Шесть дней пред отдохновением
в воссоединении.
Единые в жизни,
единые в смерти,
в крестной любви –
единые.

10/XI-2010., 4.40. – 4.42.

* Мученик за веру; ум. 309 г., Ресафа (Сирия). За шесть дней до его смерти принял мученичество его названный брат: он был засечен плетьюми, а тело брошено на пустыре. От горя Сергей почти лишился веры, но после чудесного явления друга вновь укрепился в ней.

Жить возможностью собственной жизни,
С робкой болью бессонных висков,
Пока кровь ожиданий не брызнет
На поверхность затверженных слов.

И тогда – ни высот, ни падений,
Только боли тяжелый венец,
За которой – Твое Воскресение
На разрыве усталых сердец.

19/XI-2010., 5.31. – 5.55.

Друг

Ты мог бы каждым быть,
Но ты никто, как я.
И горя не испытать
Из чаши забытья.

И в обмороке свеч
Над гаснущей душой –
Кресты разлук и встреч,
Где каждый взгляд – чужой.

Ты мог бы рядом быть,
Но ты нигде, как я.
И боли не избыть
Из счастья забытья.

19/XI-2010., 20.50.

Не жить, но быть... О, Господи, дай силы!
На высоте креста, над пропастью могилы
Твоих страданий до конца испытать,
И ни слезы бессильной не пролить,
И благодарным быть за то, что – было.

21/XI-2010., 1.48.

Я только мрак во мраке
и неуклонно лечу
в черную яму
слепого пространства,
сохраняя в себе Твой Свет,
как искру бытия
на пепелище смерти.

30/XI-2010., 2.32.

Умереть в объятиях креста –
Такова земная высота.

Таковы надежда и любовь
В глубине срывающихся слов.

Никого ни рядом, ни вдали
В безответных сумерках земли.

И звучит в безвольной высоте
Только эхо долгих плоскостей.

2/XII-2010., 21.30.

Моя жизнь

Время ничего не заберет,
Лишь волной по мертвым губам брызнет.
Сердце бьется, а душа живет
Словно уже в вечности – при жизни.

6/XII-2010., 8.20.

В его присутствии, на высоте страдания
Ты угасал, надеждой осиян,
И обнимал с Креста этот обманный
Мир одиночества, где был Твой Иоанн.

Он был: Ты не был одинок в последней боли...
Веками мы свой страшный крест несем
До самой смерти следом за Тобою
В бесслезном одиночестве своем.

13/XII-2010., 5.15.

2011

Отъезд

Последний взгляд: вокзал, пути,
Без куполов глухое небо.
В вагон – в отчаяние – слепо...
Но длится взгляд в небытии.

Но длится боль: пути, пути,
Чужой земли могильный камень...
Свет куполов в ином тумане,
Как слезы радости, блестит.

18/I-2011., 21.10. – 21.40.

«Когда-нибудь» и «никогда» –
На той же плоскости креста.
Возможность каждая у Бога.
И темной боли высота –
Как осиянная дорога.

Днем завтрашним почти живой
И от вчерашних слез слепой;
Сегодня – долгая разлука.
Когда-нибудь приду домой,
Здесь никогда не встретив друга.

23/I-2011., ок. 5.30., 17.45.

Земную разрывая грудь,
Тишайшей высоты вдохнуть
В пространстве пристально-знакомом...
А мир сей – мост, а мир сей – путь:
Иди, не строя себе дома.

Бездомен на земле любой,
В сгущающейся мгле слепой.
А путь один, и ты один, –
Как Он, принявший эту боль
От холода людских пустынь.

29/I-2011., 3.10. – 3.27.

Понимание

Касаясь обнаженной души,
услышать через раскаты пространства
молчание от невыразимой боли –
собственную могильную тишину.

10/II-2011., 9.00.

В людской пустыне, жаждущий и зрячий,
Я молча жду, как неидуший сон,
Тот тихий час, когда в костре горящий
Не будет больше чувствовать огонь.

Как Божье Имя, тишина свята;
Ни голоса, ни эха не осталось.
И крестная бездонна высота,
Как боли воскрешающая радость.

18/II-2011., 8.05. – 8.20.

Сквозь слепящее пространство времени
увидеть знакомые черты –
мираж в пустыне одиночества,
где жизнь – как макатал*
на месте давней смерти.

20/II-2011., 3.00.

* Макатал – пирамидка камней, складываемая в пустыне там, где найдено мертвое тело.

Миг

Мрак –
как полный боли взгляд
шестого часа.
И сердце надвое.
И рядом никого.

22/II-2011., 1.40.

Единство

Т.Э. Лоуренсу

Я дальнейшее эхо твоего одинокого зова
в мертвом пространстве
людовой пустыни,
и в моем сердце
длится твоя боль.
И нет ни времени,
ни расстояний,
ни разлуки:
жизни нет –
лишь бытие
моей души с твоей
в объятиях Отца
над острой пропастью Голгофы.

27/II-2011., 00.03. – 1.04.

В людской пустыне гаснущее эхо –
Как жалость дальних скал у тающей черты.
И нет во тьме толпы живого человека,
Но кто-то близкий смотрит с высоты.

А волны тишины бьют в грудь издалека
Глубокой пропастью прибоев-перебоев...
В пустыне смерть, как исповедь, долга,
Но крепок сон, как в детстве после боли.

2-я строфа – 17/I-2011., 8.20.;

1-я – 27/II-2011., 3.20.

Т.Э. Лоуренсу

«Мой брат!» – как эхо по воде
Библейской памяти Евфрата.
Так – дальний отсвет в пустоте,
Там, где ни памяти, ни брата.

И бьется в сердце давний крик,
И целый мир в тишайшем слове;
И длится боль, как длился миг
Последней смерти на Голгофе.

11/III-2011., 1.45., 15.00.

В невинной крови – кровь Христова,
И в каждой смерти – тень Креста.
В начале было только Слово,
В конце – людская глухота.

26/III-2011., 11.25.

Мир сей – Авель
Под братским ножом.
Равви, Равви,
В смерти Твоей живем.

Время – взмахом.
«Прости им, Отец...»
Волны страха:
Кто жив, кто мертвец?

Кровью братьев
Людской длится след.
От распятий
Земля во мгле.

2/IV-2011., 0.25.

Как за кладбищенской оградой,
Снаружи мертвый мир, что нищий.
Так жизнь свою окинуть взглядом
И не узнать, как пепелище.

Лишь боль, как долгая дорога,
Сияет в темноте последней.
И никого нет, кроме Бога.
И ничего нет, кроме света.

3/IV-2011., 1.00. – 1.15.

В пространстве Божьем нет разлуки.
Боль обостряется к концу.
И мертвый снег, как чьи-то руки,
Ласкает тихо по лицу.

4/IV-2011., 3.50.

Встреча с братом

Из агонии этого мира однажды воскреснуть,
словно разорванной грудью после удушья
вздохнуть,
и во внезапном молчании от впервые увиденной
жизни
забыть, как мы были друг без друга мертвы.

12/IV-2011., 21.20.

Все страшно в одиночестве, как в мраке.
Огонь давно угас, сожженный мертв давно,
И длятся только страхи, страхи, страхи,
Как вечности неясный обертон.

На мерзлой высоте, среди пустот и впадин,
Где камня не найти, чтобы к груди прижать,
Где эхо не звучит, как будто голос братьев,
Там длится только мертвая душа –
Как темный миг у самого Распятъя.

13/IV-2011., 1.50. – 2.20.

Врозь

Жить до смерти хочу,
Но жизни нет до смерти.
Так тихому лучу
Не воссиять сквозь нети.

И не струится свет
На пепелище мрака,
Где мира больше нет
В живых оковах страха.

Быть гибельно хочу,
Но брата нет, как силы.
И рвусь вослед лучу,
Как эхо из могилы.

27/IV-2011., 5.48. – 6.00.

Лишь тишина умеет слушать,
И слышать – только те, кто был.
Так в вечности едины души –
Глухих путей живая пыль.

28/IV-2011., 3.15.

День ото дня все глубже даль,
И боль, как зрение, острее.
Ничто не зря, ничто не жаль,
Как в разоренной Иудее,
Где только ветер смерти веет –
Земная грешная печаль.

3/V-2011., 6 ч., 18 ч.

Душа моя – чужая боль!..
Так, Божьей болью воскрешаем,
Иду, от слез Его слепой,
И каждому моя душа – чужая.

4/V-2011., 18.45.

Усилие слова – понять,
Раздвинуть пространство, как ветви,
И отсветом памяти стать
У истоков глубинного света.

Усилие слова – объять,
Отречь от бесплодного мрака
И в глубинах вселенского страха
Тишиною кого-то спасать.

6/V-2011., 2.50. – 3.13.

Свет Божьей крови в воздухе разлит,
И длится жизнь, как слава Богу в вышних.
И мертвого понять – боль утолить,
Что в лимбе времени пульсирует неслышно.

Лишь в понимании спасается душа,
А не понять – что от Христа отречься.
... И входит в грудь неуголенный жар,
Как воссоединяющая вечность.

14/V-2011., 21.05.

Being homeless and cold
in this incidental abode
of the mortifying flesh,
I get warmth in a little flash
flickering through the indifferent snow
like a lighted window
far away,
beyond the last way –
in Heaven,
in the forever.
It may be a star,
or Paradise left ajar,
or God's flaming heart.
To die is to be with it apart.
But the sky is clouded and dim,
and only pain unites me with Him
like a lightning –
cleansing,
 life-giving,
 brightening –
from the lonely cross far away –
from the only homeward way.

May 25, 2011; 2.05 a.m.

В боли Явленный и Сущий,
Со Креста раскрывший высь,
Один Он во тьму зовущий,
Один Он во тьму идущий
В одиноком свете риз...
Только смерть есть для живущих,
Как для мертвых – только жизнь.

26/V-2011., 2.05.

Черный ветер с Голгофы веет
Тяжелым временем земных смертей.
Господи, как от зова губы мертвеют
В глухом скрещении всех путей.

Нежность эхом Распятia длится.
От радости боли душа жива.
Господи, дай только силы молиться,
Чтобы слышать Слово, а не слова.

17/VI-2011., 11.35. – 12.35.

Сквозь пустоту

Т.Э. Лоуренсу

Округлые звуки фортепиано
говорят о тебе
сквозь шум пустоты
остановившегося пространства,
где капли дождя
падают их продолжением
на помертвелую землю.
Легкие звуки,
светлые капли
и ты –
в нашем мире
Божьего света.

19/VI-2011., 11.50. – 11.55.

Черные следы на белом древе –
Долгий путь вдоль гаснувшей черты,
У которой медлила и зрела
Тишина последней высоты.

И – покровы надвое, как сердце,
Сквозь бесплодной пустоты раскат;
И с Тобой в преодоленной смерти,
В воссиявшем из-за мрака свете,
Как осуществление – Твой брат.

28/VI-2011., 18.45.

Как слово с губ – в ответ на Слово,
В последний миг – и в первый Миг –
Уйти свободным эхом зова,
Отдавшимся от скал немых.

Так к брату льнуть в последней боли,
Чтобы воскреснуть в тишине
И просто быть. И быть с тобою,
Как в полудетском трудном сне.

2/VII-2011., 23.40.

Знаю

Пока не допишу до точки,
Свидетельствуя о Кресте,
Я не уйду. Но свет полночный
Горит в бесслезной высоте.

11/VII-2011., 23.38.

В зиянии боли,
В сиянии славы,
Брат мой, с тобою
Сквозь сумрак кровавый

Всходить на Голгофу,
Приняв неизбежность,
Как в ранящем Слове –
Вечную нежность.

В сиянии боли
Сердца живого,
Быть вместе с тобою
Ответом на Слово.

18/VII-2011., 22.30.

Во тьме всевидящей – огонь
Всепопирающего круга.
И медлит легкая ладонь
На лбу горячем. И ни звука.

Ты не один, когда один.
Боль разделенная – отрада,
Когда среди людских пустынь
Чуть медлит вечная прохлада.

28/VII-2011., 2.31.

*Поезд Санкт-Петербург – Владикавказ,
Ростовская область*

Вечное

Всюду смерть и черный дым повсюду,
Розы крови на земле цветут.
Как огни надежды, гаснут люди
На слепом раздробленном свету.
... Но на беспорочном небосклоне
Полумесяц ласковой ладонью
Держит незакатную звезду.

2/VIII-2011., 00.55. – 1.00.

Владикавказ

Своеволие

Человеческая свобода –
В крови дремлющая смерть.
Поток легкий без дна и брода,
Над потоком – свободный зверь.

Отче, Отче, Твои ли дети?
Твои – мертвые на земле.
Льются, льются черные нети,
И сжимают тугие сети
Жизнь, затерянную во мгле.

7/VIII-2011., 21.00. – 22.10.

Черные тени на белой стене
Небесного Иерусалима,
Где свет первозданный горит в глубине,
А все за воротами – мнимо.

Резкие тени струятся, как дым
Горящего мира, но через мглу смерти
Сияет яснеющий Иерусалим
Любящим светом близкого сердца.

9/VIII-2011., 17.20. – 17.43.

*Поезд Владикавказ – Санкт-Петербург,
Тульская область*

Душой так губельно живой –
К теплу б родного человека,
Чтобы из пропасти людской
В другом осуществиться – эхом.

А жизнь закончится, как боль,
И там – лишь тишина, как имя
Неназванное... Брат мой,
В моем небытии – любимый!..

Когда вернусь, – нет никого,
И жизни нет конца и края.
Лишь эхом зова моего
Клубится тишина иная.

18/VIII-2011., 7.05. – 7.51.

Всяк на земле бездомен.
Как жизнь, длится боль моя.
Вечности страх огромен
Пред радостью небытия.

Бьется, считая, сердце.
Лишь вздох отделяет от смерти.
Вздох этой распятой Любви:
«Во Имя Мое – живи».

24/VIII-2011., 20. 40.

Хочу только быть с Тобою,
Явленным на пути.
Но только дорогой боли
Можно к Тебе прийти.

Не существует тверди
Вне скрещенных плоскостей.
В каждом ударе сердца –
Эхо ударов тех.

Лишь в боли наше единство,
Мой незакатный свет.
И жизнь под удары длится
Вздохом любви на кресте.

27/VIII-2011., 6.20. – 6.40.

Жизнь прервется на полуслове, –
И в молчания смертный край –
Душу сонную. Память крови –
Только крестных объятий страх.

И в глубинах всевышней боли
Всех усилий глухая суть –
Одиночество: за Тобою
Через смерть осиянный путь.

26– 28/X-2011.

Быть зовущим усилием воли
На разрыве бесплодных пространств,
Только вспышкой помнящей боли
Всех разорванных гибелью братств;

Ни в живых и ни в мертвых не значиться
И в порыве объять небосвод
Умереть, как усталая ласточка
Над глухим одиночеством вод.

1/XI-2011., 5.20.

Одни начала хороши –
Живой порыв живой души,
Еще не оскверненный миром,
Растущий пропастью незримой
Сквозь отступающую жизнь.
Одни начала хороши,
И лишь одни начала мнимы.

17/XI.; 19/XI-2011., 15.35.

Все проходит

Так весело смотреть,
как время идет,
будто знобящий дождь
сквозь черные ветви,
и так празднично ждать
Твоей тишины
замолчавшего от боли
сердца,
что кажется жизнь
лишь эхом изгиба
метнувшихся в волны
обессиленных крыл,
переполненных небом.

29/XI-2011., 9.55.

Жив тот, кто любит.
Живой, кто рядом.
Смысл вселенской глуби –
В объятиях брата.

29/XII-2011., 20.00.

Т.Э. Лоуренсу

Мне жизнь твоя близка, как слезы,
Мой брат по боли, я – с тобой,
В краю бессмысленной угрозы
Так обесмысленно живой.
Но мир ничтожен против братьев,
И только в любящих объятьях –
Ненарушаемый покой.

*1-я строка – 1/XI-11., 2-4 – 1/XII.,
остальное – 30/XII-2011.*

2012

Как спуск во тьму, стучит живое сердце,
И Каиновым взмахом длится век,
Но с нежностью глядит из-под усталых век
Нас понявший до самой глубины смерти
Непониманием распятый Человек.

11/I-2012., 23.30. – 23.40.

... И ни о чем не стоит говорить,
Блаженнее молчать среди случайных,
Как горних линий арамейский ритм
В святом письме постигнутых молчаний.

И, забываясь в солнечную глубь,
О радости читать по свиткам боли,
Непроизвольными движениями губ
Молясь о воскресении любовью.

1-я строфа – 26/I-12., ок. 20.30.;

2-я – 30/I-12., 4.58.

У края сил, сорвавшегося в синь,
Яснеет бытием из преломленной смерти,
Сколь нежен брат, как тишина на сердце,
Спасаящий объятием своим.

31/I-2012., 8.20. – 10.35.

Образ твой

Т.Э. Лоуренсу

Тушью света томяще набросанный,
тающий в нежную голубизну взгляда –
глубокого
над сирийскими далями чувственных
линий,
обнаженных ласками.

31/I-2012., 15.45. – 15.55.

Сияния

(из лета 1912 года: Т.Э. Лоуренс и С.А. у моря)

I

«Talassa!»* – из томящей бутонной глубины –
в сияния берега:
под россыпи аквамарина,
под поцелуи,
под твердость огня, скользнувшего
молнией будущего.

II

Нежность сирийских далей –
мальчишеского тела изгибы,
и голубая глубина взгляда,
манящего на песок.

III

В сплетении-откровении
ласками истаивать,
чтобы в отчаянии броситься
от зноя полуденного –
к серебряным родникам.

* Море – греч.

IV

Сквозь немую тоску борения смертного
из тела со стоном – в свет,
вспыхнувший на мгновение вечности
в освобождении душ.

V

В молчании единения
затихнуть у груди брата,
слушая, как волны бытия
набегают на берег надежды.

31/I-2012., 16.00. – 16.32.

The Fire of Thorns

The fire of thorns
is the shine of Your glory
upon the Cross
of the life-giving Love.

The fire of thorns
blazes forth through the darkness
from the desert of torment,
like glittering scriptures
of the quiet Existence.

February 2, 2012
12.17 a.m.

Длящаяся боль

(1910-е)

А за перевалом века – горы, горы
Мертвенно-глубоких далей горя.
И под черной вспышкой плетей
Слышится сквозь россыпь плоскостей:
В лимбе дления гудит органнй хор
Повторенных храмов реймских гор.

15/II-2012., ок. 18.20. – 19.55.

Господне имя глубь хранит
Псалтирю створчатых ущелий
И золотую боль гранит
Одной непревзойденной целью.

И каждый ранящий излом
Блажен, как весть вселенской глуби,
Где бытие близко теплом
Родным, как ищущие губы.

16/II-12., 14.25.

26/II-12., 3.52.

Между

Предсмертным вздохом –
усилие жить
в волнах боли,
выносящих меня
к Бытию.

5/IV-12., 4.20. – 4.47.

Гибель

*Йоханну Фридриху Хану**

Брат,
прильнувший нежностью к сердцу:
таково было твое бытие,
оборвавшееся
одиноким.

18/IV-2012., 1.29.

* Й.Ф. Хан (1753 – 1779) – немецкий поэт, друг композитора Йозефа Мартина Крауса (1756 – 1792).

Hvad är mitt hem?
Solgnistor på löfvar.
Hvem ser nu dem?
Min längtan, rörande öfver
Att blåsa upp värld
Af värkens glad eld.

27/IV-2012., 23.40.
На шведском

Примирение

С тобою быть, тобою, брат мой, сбыться
Я больше не молю и в свете лезвия
Желаю лишь зовущей болью слиться
С уютной темнотой небытия.

5/V-2012., 6.50.

Мне улыбаются с портретов короли,
И отвечают мертвые, как братья:
На всех путях беспмятной земли
Раскрыты мне хранящие объятья.
На всех путях, где тени пролегли
От одиночества незримого распятья.

13/V-2012., 1.32. – 1.39.

А жизни нет, как тишины,
Лишь – продолжение надежды.
И что-то светлое мерещит
В последних сумерках души.

14/V-2012., 13.02.

Готический собор

Из бездны вставшие порталы,
Лучами *Ave* – витражи:
В порыв источенные скалы
Волной томящейся души.

14/V-2012., 13.42. – 13.47.

... Но вы, неизвестные братья мои,
Поставьте мне памятник вашего счастья,
Чтобы воскреснуть мне в Божьей любви
Теплотою небесного братства.

22/V-2012., 17.12. – 17.23.

Усталость

Ни братства, ни любви, ни тишины, ни силы –
Блаженного ничто из этой пустоты,
Что грудь, как гроб Господень, омертвила,
До сгустка крови сжав тишайшее, что жило
Началом неизбывной теплоты.
Ни братства, ни любви, ни тишины, ни силы:
Под лезвием смертельной немоты
Я лишь конца хочу – того, что мною было.

24/VI-2012., 20.20., 2.50.

Мое неприметное небытие,
Ты не сонный провал, не острие,
Но темный комочек, врастающий в сердце,
Не знающий жизни, не знающий смерти,
Без света, без мрака,
Без силы, без страха,
Междумирье, межзнание, межстрочие:
Неотступное одиночество.

3/VII-2012., 00.55.

Черви безверия

Плотские, плоские, скользкие,
Черви безверия, сколькие!..
Слепые, глухие, земные,
Ни мертвые, ни живые.
Скрючены, скручены, прелые,
В тела неизвестные, белые,
С лицами человеческими,
Тянутся бесконечностью.
Тянутся, тянутся, длинные,
Кровью невинных волглые,
Тянутся к ранящей истине –
Опутать немymi нитями.
Плотские, плоские, сонные –
Бессилием порожденные.

4/VII-2012., 5.05.

Из груди исчерпанной – слова,
Как обрывки легких... Боже правый!
Дар Твой – испытанье, а молва –
Диоклетианова* расправа.

8/VII-2012., 3.48.

* Диоклетиан – римский император, жестоко преследовавший христиан.

De profundis*

О, черт! О, Боже! –
Одно и то же.
Ни в ад, ни в рай –
На самый край –
Зерном невсхожим:
Пропадай!

18/VII-2012., 2.03.

* Из глубины – лат.

Бездомность

Отлетевший лист
умирает
воспоминаньем о дереве.
Я помню
только падение.

18/VII-2012., 2.25.

Больше ничего

Болью, как истовой верой объятый,
О спасении мукой блаженной молюсь:
Собственной кровью истаять – закатом,
Пылающим славой Твоей, Иисус.

3/VIII-2012., 2.50.

Река жизни
скована болью,
и только в глубине
длится стоном
«Брат мой!» –
павший мною у горы Гильбоа.*
«Брат мой!» –
преосуществленье на Кресте.
Брат! – двух Писаний
единая суть: Бытие.
Самое глубокое,
самое нежное,
самое святое слово,
хранящее в себе мир, –
под безысходным льдом
одинокчества.

8/VIII-2012., 9.05.

* Возле Гильбоа (в Палестине) в конце XI в. до Р.Х. произошло сражение израильтян с филистимлянами, в котором погиб Ионафан, друг Давида, ставшего впоследствии царем Израиля.

Слова, как капли крови, стынут
На жертвеннике тишины,
Сойдясь в одно... В рассветной сини
Все очертания бедны.
И, может быть, моя пустыня
Полна синайской глубины...

24/VIII-2012., 21.28.

Без братьев

Я хотел бы с затишьем тем слиться,
Что хранит единенье двоих,
Стать их нежностью, раствориться
В теплоте богоданной любви
И, сокрыв их от мира чужих,
Этой нежностью – осуществиться.

*10/IX-2012., 3.45.
Владикавказ*

Дань

*В Северной Осетии есть скала с
черной расселиной, сквозь которую
протекает узкий поток. Некогда с
этой скалы сбрасывали неверных жен.*

В расселину гибели – податью
Слабости человечьей,
В объятия пенистой скорости,
Мчащей в глухую вечность
Неискупимость увечья
По дну первородной пропасти.

*10/IX-2012., 18.15. – 19.00.
Владикавказ*

La solitudine

Dammi, o Dio, la sofferenza beata,
Come la croce, come il serto di cielo,
Perchè l'anima mia sia rivivificata
Nell'amore eterno col fratello chiamato –
L'amore che sia com' la Tua chiesella.

18/IX-2012., 1.45.

На итальянском

Плач полночный,
Вой межстрочный:
Слышишь, Отче? –
О живом.
Страхи, страхи
Вкруг огнем.
В рвущем мраке –
Всё о нем.
Все одним пылает: «Брат!»
Одному – что в рай, что в ад.
Час полночный,
Мир межстрочный:
Видишь, Отче?
Слышишь, брат?

*20/IX-2012., 1.40. – 1.50.
Владикавказ*

Не скорбите о тех, кто у Бога.
О воскресшем Христе не скорбят.
Вдоль ведущей в вечность дороги
По живущим надгробья стоят.

Лишь оставшийся мертв, не ушедший,
Лишь оставшийся в боли кремешной,
Как с Иисусом расставшийся брат.
Пусть о нем ваши свечи горят,
Будто зарево вечной надежды!

20/IX-2012., 21.15.
Владикавказ

Ночью

Перед видящим равнодушьем
Какой-то стены каменной
Бьюсь в безысходном удушье
Меж огненных змей сознания,
И ночь пыль человечью кружит
Над обломками мироздания...

28/X-12., 19.50.

2/XI-12., 00.25.

На краю

Чьи-то дальние отзвуки боли
Отдаются в бессильную грудь,
Будто выпетый на гобое
Катакомбный изветливый путь,
И яснее вселенская суть
За последним усилием воли.

31/X-12., 6.15.

Сегодня

Звериный люд. Бессильный человек.
А если человек – закончен,
И длится только обращенный век,
Как речь случайных многоточий?
И взгляд недвижимый со дна
Владеет атомами страха
В пространстве взвешенном... Ни сна,
Ни яви нет в извивах мрака,
И только горсть земного праха
Цветет, как страшная весна.

4/XI-12., 00.25. – 00.37.

Предвидение

А где-то бродит Он, как нищий,
Незримый в сумерках Креста,
И десять праведников ищет,
Но отвечает глухота –
Как дикий вой над пепелищем,
Где красный дождь и пустота.

6/XI-12., 22.10.

Имя

Пока блуждать между чужими,
Пока хрипеть между глухими,
Пока – не быть... В конце пути
Останется одно лишь Имя,
Как вечность, скрытая в груди.

13/XI-12., 7.00.

Листья падают...

В ненадежности острого воздуха
присутствует ликующий трепет Красоты –
легкие,
свободные,
торжествующие
образы смерти
в пространстве времени.

15/XI-12., 18.30.

2013

Тихое

Лишь мертвые становятся моими –
Там, где горит потерянное солнце, –
И в Вечность стихнувшее имя,
Как голос Божий, раздается.

Лишь знавшие становятся родными,
Как крестный след, оставшийся за ними,
И только тихое в день завтрашний вернется.

6/I-13., 3.25. – 3.43.

Зрячая, всепомнящая глубь,
Через быт прожитая строкою,
Через жизнь прошедшая бедою:
Сила слова при бессилье губ.

12/II-13., 6.17.

Прошлое

Из тишины встает за мной
Одной несказанной горой –
Неразличаемой бедой –
Всех жизней тьма, всей боли вой.
И длится ночь, и стынет смерть,
Земную образуя твердь...
И я один перед Тобой,
Молчащим в муке над Горой.

26/II-13., 21.10. – 21.50.

Близ гибели

Быть не именем – отзвуком слова,
Отлетевшим с мертвеющих губ,
И уйти неслышанным зовом
В неживую вселенскую глубь.

Только в братстве твое воскресение...
Крепок камень у входа во тьму,
И струится иным заверением –
На распятъя исчисленным временем –
Мир повапленный в горьком дыму.

22/III-13., 6.08.

Всё у Бога

Там, где ни отклика, ни сна
И живо только то, что жило,
Нам остаются имена,
Но даже в именах нет силы.
И только мнится теплый след,
И длится только Божий свет
После того, что Божьим было.

19/IV-13., 18.28.

E sia la Tua volontà
In terra come nei cieli.
Tu sei vita e pietà,
E sia la Tua... Eli, Eli!..
Gridiamo, Padre, nel tacer,
Gridiamo morti per viver
E sempre ber il Tuo fiele.

28/V-2013., 23.35. – 23.40.

На италянском

Proviene sol d'un dolore
Il vero, salvante amore,
E senton sol chi son morti,
Alla vita dalla croce risorti.
Pregate di noi per sentiamo
Questo fatale “Ti amo.”

28/V-2013., 23.50.

На итальянском

Бой часов на кладбище

Из тишины надмирной – мерный бой,
Как часа третьего отдавшаяся сила
По всем сердцам – по всем Твоим могилам,
Исполненным последней глухотой.
Нет ничего: все будет или было.
Нет никого, но через мглу земную
Стучит к душе, оставшейся живой,
Из тишины надмирной мерный бой,
Как будто плач о всех живущих все.

*2/VI-2013., 23.40. – 2.20.
Гродно*

Ушедшие

Словно солнечный свет
На бессонном пути,
Где-то длится ваш след –
Позади, впереди...
Ничего сейчас нет,
Лишь попытка идти
Сквозь беспамятство лет,
Где живых не найти.
Но горит Божий свет –
Длится теплый ваш след
В безысходной груди.

*6/VI-2013., 00.55.
Гродно*

К Неману

Даже ты не помнишь ничего.
Где тот Неман, что струился прежде?
Где тот мир, что отсветом надежды
Мнится в мгле твоих печальных вод?
Даже ты не помнишь ничего,
Меж чужих – пронзительно-живой.
Только небо над тобою то же,
Только чье-то давнее «О Боже»
Грудь теснит. И больше ничего.

*6/VI-2013., 20.50. – 21.12.
Гродно*

Древо

Только черная половина,
Кольца боли от сердцевины,
Корни сплывшиеся во мгле,
Ветвь отломленная – на земле:
Древо бури Твоей, Отец,
Древо скорби живых сердец.

8/VI-2013., 21.30.

Гродно

Уходя с кладбища

Из жизни возвращаясь в темноту,
Я, как псалмы, твержу одно и то же,
Но ощущаю ту же пустоту,
Где – только шаг неосторожный...
И плоскости разъятого пространства
Глухую боль несбывшегося братства
На эхо обессиленное множат.

12/VI-2013., 2.40. – 2.55.

Гродно

У могилы

*Францишеку Кавецкому**

Лишь имени неясный след,
Как от ласкающей ладони...
Ты есть. Я – тень, которой нет
В пространстве длящихся агоний.

Ты есть – живой, как теплота,
Среди исчезнувших и мнимых,
А жизнь – мгновение моста...
Так отступает темнота,
Когда живет хотя бы имя.

*13/VI-2013., 3.56.
Гродно*

* ок. 1874 – 1901 гг.

Будто спящие из Эфеса,^{*}
Возвратившиеся во мрак, –
С горечью рассветной вести
На немеющих губах,
Длюсь. Как черный след за Отданным
На заклатие, – в пыль и ввысь;
Будто камень Гроба Господнего,
В глуби сумрака субботнего
Предугадывавший жизнь.

18/VI-2013., 4.22.

^{*} «Спящие из Эфеса» – семь мучеников. Согласно раннехристианской легенде, их тела были замурованы в пещере, а через два или три века возвращены к жизни, дабы посрамить еретиков, отрицавших воскресение.

Поэты

Неслышимы пространством сирым
И молкнут медленно во тьму
Непобеждаемые лиры –
Поэты, Божьи судьи мира,
Приговоренные к нему.

7/VII-2013., 4.34.

Из пропастей отчаянного зова,
Из глубины неведомых веков
Вздывается спасительное Слово
И застывает храмом ледников.

Как реки, одиночества струятся
По дну опустошенной тишины,
И в высоте несбывшегося братства
Им вторит тень незримого Распятъя
Над равнодушием земным.

12/VII-2013., 11.00. – 11.30.

Что ты можешь, поэт?

Даже в сердце живом отдаваясь,
Что ты можешь, поэт? Что ты есть?
Боль проходит своя, как чужая,
И приходит чужая, как смерть.

И мгновения – неразличимость –
Рвут тончайшую ткань бытия,
Будто лезвия между живыми:
Вот где истинно гибель твоя.

Что ты можешь? Немым криком биться,
Крест, сваливший Его, поднимать...
Сиясь словом спасающим стать,
Эхом Слова неспасшего длиться.

26/VII-2013., 4.30. – 5.05.

Впечатление от Органной сонаты Юлиуса Рёйбке* на Псалом 94**

Зверь органа,
ревущий
в смутном храме надежд.
Судный День,
восходящий
из гроба мертвых духом.
Меч Господень,
разящий
отрицающих свет.
Мрак,
прах,
страх,
исчезающий
в конце смятений,
где воля Его
сияет извечной Любовью.

13/IX-2013., 23.50. – 23.52.

* Юлиус Рёйбке (1834 – 1858) – немецкий композитор.

** Псалом 94 – мольба о возмездии недругам.

Д.А.С. Мэкворту-Доулбену*

Жизнь была – едва слышимый вздох
Вечной нежности, гибельно близкой,
И иным ликованием восток
Озарял Парфенон твоих строк,
Полный ясности монастырской.

16/IX-2013., 1.18. – 2.10.

* Д.А.С. Мэкворт-Доулбен (1848 – 1867) – английский поэт.

Был ли я миру незримым свидетелем?
Был ли я гибнущих ложной надеждою?
Я помню небывшее, как будто жизнь встретилась
Тревожным лучом по векам чуть смеженным.

Давнее, близкое, бьется безжалостно
От робкого взгляда когда-то живых.
Как в лимбе времени, с ними остался я,
В бессилье спасти замирая, как крик.

21/IX-2013., ок. 18.30. – 19.04.

Тот, кто один

В предгориях вечности
путник бессильный,
что покинул долину
Иосафата*
ради просвета
чуть различимого
сквозь сумерки боли
и шел день за днем,
как нес камень за камнем, –
лишь сияние льдов
ожидает тебя.

25/IX-2013., 5.20. – 5.25.

* Место в Иудее, где в библейские времена совершались погребения и где Иисус скорбел о судьбе мира.

Мой брат, для Бога сохрани мои молитвы,
Чтобы в последний час моей последней битвы
К Нему воззвать, как тот Безвестный¹ из хабиру,²
В воззвании своем Его явивший миру.

15/X-2013 г.

Приснившееся стихотворение.

¹ Авраам.

² Древняя народность на Ближнем Востоке.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

Небытие Цхинвала

*(атака на Южную Осетию со стороны
Грузии в августе 2008 г.)*

I

Дал Бог волю идти с гробами,
Дал свободу давиться болью.
Лучше сделал бы нас рабами,
Безотказными высшей воле.

Стала наша свобода гиблом,
Затрапезной посмертной славой.
Из игры Бог свободно выбыл
На свободной земле без правил.

Стала наша свобода оптом,
Уходившим с торгов в Цхинвали.
На живых мертвецов и на мертвых
Нас в ту полночь размежевали.

И в цхинвальской взрывной воронке –
Чад раскрытый небытия,
И молитвы, как похоронки,
Из сожженных церквей летят.

1-3 строфы – 10/VIII-2008., 21.40.

4-я – 23/VIII-08., 1.50.

II

Не меня ли убили в Цхинвали
Эти тысячи раз наповал
И в беспомощность эту загнали,
Как в подвальный безбожный провал?

Не моих ли неназванных братьев
По-звериному били в упор?
Застывала опять Божья Матерь
Над кавказскими ямами гор.

И не жизнь, а литания длится
Сквозь раскрытую хищную мглу.
Дай же, Господи, силы молиться:
Больше я ничего не могу.

*13/VIII-2008.,
начато в 23 ч., зак. в 5.20.*

III

Звериный люд. Бессильный человек.
Законы Божьи не имеют силы.
И наше завтра, как вчерашний снег,
Цхинвальской лютой полночью скосило.

А мы живем. Непоправима жизнь.
Нас дважды не убить: с той полночи мертвы мы,
Когда огнем скосило пол-души,
И стала жизнь, как смерть, непоправима.

14/VIII-2008., 17.50.

IV

*«... Танк проехал по всем могилам...»
«Российская газета», 21 авг. 2008 г.*

Стали слишком близки мы к раю,
В этой жизни горя в огне,
Когда мученику всякий равен
И в последнем глубоком сне.

Здесь под танком крошились кости,
И на кладбище шла война...
В этом мире, как на погосте,
Даже умершим не до сна.

3/VIII-2008., 00.15.

V

Смерть на числа непереводаима:
В каждой гибели – небытие,
Куда мерно и прямо летим мы,
Обесмыслив и имя свое.

Мы упрямо спускаемся в нишу,
Где христианские статуи – в прах;
С каждой гибелью – ниже и ниже,
С пересыльными бирками прав.

Двадцать первый, как прутья, каленый,
Под концлагерной робою век.
Сотни, тысячи, миллионы...
Но убитый один – Человек.

22/VIII-2008., 3.15.

VI

Я чувствую библейскую громаду,
Как бытия земного рубежи,
Откуда вышли мы и начертали карту,
Нам выпавшую, как случайность-жизнь.

Мы шли, и падали, и воскресали
На всех путях Иудиной земли.
И по разбитым вдребезги скрижалям
До дна непоправимости дошли.

И длится жизнь без памяти и веры,
Как по погибшим длится лития,
И жаркий чад клубится из промера
На взорванной границе бытия.

25/VIII-2008., 3.25.

Эхо молчания

Т.Э. Лоуренсу и С.А.

I

С.А.

Обреченной тропой над пропастью
Были касанья твои.
Мы над трещиной мира молимся,
У огненной солеи.

На два полушария роздана
Пустынных могил тоска.
Я стою над той пропастью звездною:
Лишь вера столь глубока.

Разломом молчания спаяны
Две части одной души.
Семью столпами страдания
Держится наша жизнь.

9/III-2009., 5.00.

II

*«Он мечтал о крестовом походе
в его новой форме, то есть для
освобождения народа от рабства».*

Г.Б. Лиддел Гарт

«Я ... волю свою начертал во все небо...»

Т.Э. Лоуренс

Не крестовый поход – крестный путь
На голгофу обманной славы,
В яму боли, в земную суть,
Где Господь не оставил.

В боли вечная слава твоя.
Наша воля на небе стерта.
Как свобода, звучит лития
По живым и по мертвым.

19/V-2009., 00.36.

III

Под лаской белого покрыва* –
острой пропастью боли –
все принявшая душа:
черное небо
над крестной смертью.
Безлунная ночь тишины,
и плеть дороги с Голгофы,
ведущая к бесконечному свету.

31/VIII-2009., 4.05., 19.55.

* Намек на арабское одеяние, которое Лоуренс носил в Аравии.

IV

Память его касаний
на твоём теле
в земном небытии –
пробуждение к вечной жизни.

6/IX-2009., 2.55.

V

В темноте его глаз
был сотворен из хаоса
мир –
острая вспышка твоего счастья
в пространстве боли.
Молния души
в побежденном теле.
... Черным снегом сошла ночь
на мертвую землю,
как надежда восстать из праха.
И в темном небе
горела боль
линиями древнего Бытия,
еще не оскверненного смертью.

5/X-2009., 3.10.

VI

Жизнь сочилась потом и кровью,
кровью и потом текло твое время.
Ты кровь свою приносил в жертву
и утолял жажду собственным потом.
Эта соль – исчезнувшее море,
суть надежды твоей.
И чистые волны, что однажды
ласкали побережье сна,
обрушились потом и кровью
на песок смерти.
Смерть была попираема
на пути веры,
и влажный ветер свободы
остужал опаленные губы.
Но безлунная ночь сошла
в ущелье небытия;
и соль звезд
обожгла твои губы
неутолимой жаждой одиночества.
... А бескрайнее море
разворачивало свитки волн,
как Книгу Бытия,
за поворотом...

26/III-2010., 4.45.

VII

Его смерть
осталась твоей жизнью
в хаосе разрушенного мира,
где Дух Господень
вital над темными водами
накануне сотворения
твоего бытия.

20/V-2010., 16.55.

VIII

Были ночи черны, как кровь,
как конец создания.
Было твое терпеливое молчание,
как молитва
о неизвестном.
Была смерть, как последняя усталость.
... А потом пришло посмертье,
будто дыхание,
перехваченное
от ласкового взгляда
фотографии.

22/V-2010., 7.25. – 7.33.

IX

Не горгульи в готическом воздухе,
не хрупкая память известняка,
не тяжелые волны над звездною пропастью,
не острота потерянного храма –
лишь одно непроизносимое имя,
как последний вздох
на небесной плоскости
земного креста.

7/VI-2010., 3.30.

X

Молчание имени –
неодолимый зов
сквозь все земные провалы,
перевалы,
обвалы
рушащегося мира –
лишь одно имя молчания.

12/VI-2010., 4.05.

XI

Неодолимая пропасть тебя влекла –
то ожидание,
что голосом сорвалось.
Но, зиянием руин отозванный от жизни,
ты обрел свою славу
в сиянии боли
молчащего имени.

12/VI-2010., 4.17. – 4.20.

XII

Поцелуи были, как лепестки молчаливых цветов
на последнем закате,
сиявшем в волнах памяти.

... В агонии воскреснув,
ты вернулся
к простым цветам
на берегу небесного Евфрата.

23/VII-2010., 5.30.

ХІІІ

Тростник желания был полон света
на берегу солнечного Евфрата,
и поток души
устремлялся к древним глубинам.
Хранящие линии его мира
длились в тебе,
и слиянием открывалась вечность, —
пока не донеслась гибель,
как эхо молчания,
и линии не измерили пустоту.
Но флейта тишины
продолжает музыку любви
на побережье Бытия.

2/X-2010., 4.00.

XIV

Фотография

С.А.

Тихая нежность сквозь вечность:
мертвый вечер
в живом зрачке.
Вечер на дальних холмах,
как последняя ласка
первой любви.
Библейские воды уходят в ночь,
где на берегу моей жизни
остается лишь вечная нежность взгляда
сквозь одиночество времени.

30/XII-2010., 21.45. – 21.48.

XV

Т.Э.Л.

Голубыми далями – глубь,
Молчаливая строгость губ,
Нежность линий – ладоней след,
Облачавших ласками – в свет.
Чистотой осиянный дух –
Боль, оставшаяся от двух.

31/I-2012., 15.04. – 15.35.

XVI

Остановился мир – его сердцем:
Светом вдали.
Кончилась твоя жизнь – бессмертием
Вашей любви.

3-4/V-2012.

Время смерти

*Памяти павших
в Первую Мировую войну*

I

1914 – 1918

Это время во всполохах боли –
Как в зрачке остановленный страх.
Голос крови на взорванном поле
Застывает на мертвых губах.

И в пространстве, разбитом, как стекла, –
Легкой гибели жадная суть.
... Сквозь века мимо слепнущих окон
На распятие Брата ведут.

23/IX-2011., 6.40.

II

Как в покинутый дом, возвращаюсь несмело
В прозрачный от холода знающий свет,
Где белым стихом заважают метели
Над черным жнивьем обескровленных лет;

Где мир обезумел уходами ранними,
И кровью в висках гремит пустота.
Как отклик на зов, возвращаюсь туда,
Где сердце как будто случайно мне ранило
Страдающим взглядом брата с креста.

23/IX-2011., 19.05.

III

1914

Кипень колокольчиков смеха,
Тенями влюбленными сад:
Предсмертье в предсердии века,
Кладбищенской меры форштадт.

И дрогнуло что-то, взметнулось
Над темной крещеной горой,
И стала холодная узость,
Открыв мессианскую кровь.

17/II-2012., ок. 3.05. – 3.31.

IV

Лето 1914 года

Воздух гибелью пахнет и светом,
И набатом гремит тишина
Этим болью обугленным летом
Из забытого страшного сна.

Льются черные вести, как сети, –
Из провала наброшенный жар, –
И в предсмертном мерцающем свете
Бьется искрой надежды душа.

И такое бескрайнее лето,
Как креста мирового размах,
Где мгновение смерти последней
Длится сквозь нарастающий страх.

28/IX-2011., 6.05.

V

Все, что болью охвачено, – свято.
Каждый кровью крещеный – Твой брат.
В огне смерти спускались солдаты
За Тобой в человеческий ад,

Оставляя рубцами на сердце
Твою боль в глухой пропасти сна,
Где надежда – как вздох перед смертью,
За которой – Твоя тишина.

11/XI-2011., 8.36. Armistice Day

VI

Поля смерти

Земля наливалась
кровью.
Временем длилась
смерть.
Плащаница неба
покрывала лик
их страдания.
... Дым боли растаял,
и на черном снегу беспамятства
не осталось имен.
Но сквозь кресты лет
доносится с мертвых полей
лития замолчавших сердец –
погребальная песнь тишины
о всех прошлых и –
будущих.

14/X-2010., 00.40. – 2.35.

VII

«Известные лишь Богу имена»...
Прости, Всевышний, что не нам.
Прости за их вторую гибель:
Мы всех оплакать не смогли бы.

Прости смерть Сына Твоего –
Тысячелетний этот вой,
Умноженный во всех смертях
И поправный – на всех костях.

30/VI-2009., 17.45.

VIII

Военное кладбище

«Миллионы убитых задешево»* –
Как огней поминальных пожар,
И над крестною костницей Божьею –
Черной пропасти жалящий жар.

Мир струится, как слезы, и плоится
В тишине замолчавших сердец,
Где крестов утомленное воинство
Помирает застывшую смерть.

24/VII-2011., 23.35. – 23.55.

* Строка из «Стихов о Неизвестном солдате» О. Мандельштама.

Любящая теплота

*Йозефу Мартину Краусу**

I

Созвучия неявленной печали,
Соцветия вселенской чистоты,
Блеснувшие из озаренной дали
Над миром безысходной немоты,
Спасающим теплом души остались –
Блаженнейшим из ликов красоты.

I-IV – 4/III-2012., 3.23.

V-VI – 5/III-2012., 00.26.

* Й.М. Краус (1756 – 1792) – шведский композитор.

II

Так страстна нежность в отсветах промера
И жизни ткань так трепетно тонка,
Что до тоски внезапной глубока
Твое тепло изведавшая мера.

28/III-12., ок. 18 ч.

III

Symphonie funèbre*

Не плач погребальный –
усталость от плача,
вырывающаяся
из сдавленной болью груди
попыткой вздоха
в удушье одиночества,
за которым –
радостная тишина.

5/IV-12., 4.55., 6.20.

* «Погребальная симфония» – предпоследняя композиция Крауса, написанная в память близкого друга.

IV

Din musik

Den tjugande rörelsen
af ditt känslolif
tändes i natten af min själ,
som en gnistrande lidelse
i en kärleksfull enslighet.

12/IV-12., 5.25. – 6.00.

Перевод:

Твоя музыка

Чарующее движение
жизни твоих чувств
мерцает в ночи моей души,
как искрящаяся страсть
в любовном уединении.

Со швед.

V

«Der Tod Jesu»* – как в храме с братом,
Перед Распятием, одни.
И славословием – огни,
Как души, раненные взглядом...
Так лишь в любви едины мы
И живы, лишь когда мы рядом.

6/VI-12., 8.23., 10.00.

* Название одной из композиций Крауса.

VI

La dernière caresse

(la symphonie en ut mineur, 1783)

C'est une tendresse ravissante,
charmante,
étincellante
comme le ciel de la nuit d'amour.
C'est un moment
de l'éternité
en ce mouvement
de la fraternité.
C'est un élan
de deux cœurs
vers le Createur,
qui est senti si vivement
en la peine seule.

13/VI-12., 1.30. – 1.46.

Перевод:

Последняя ласка

(симфония в с-moll, 1783 г.)

Это восторженная нежность –
чарующая,
искрящаяся,

как небеса ночью любви.
Это мгновение
вечности
в движении
братства.
Это один порыв
двух сердец
к Богу –
в радости,
которую выявляет
лишь боль.

С франц.

ПЕРЕВОДЫ

В данный раздел входят переводы стихотворений тех поэтов, которые мало известны на своей родине, лишь несколько имен составляют исключение. Они жили (а некоторые живут) в разных странах и в разное время и создавали свои произведения в разных условиях: одни – в умиротворенной тишине, другие – в окопах Первой Мировой войны. Несмотря на различия, всем им присуще более или менее сильное осознание того, что можно определить как глубинные токи вечного под поверхностью мира. Именно это стало причиной объединения их голосов в маленькую антологию – негромкий хор, воспевающий непреходящее.

СО ШВЕДСКОГО

Эрик Юлиус Шьоберг

(1794 – 1828)

Жизнь Шьоберга, полная неуютa, лишений и телесного страдания (он болел тяжелой формой туберкулеза), была одним отчаянным устремлением к Другу, но так и прошла в одиночестве из-за невозможности отыскать равного.

Вздох с алтаря

Царь в венце терновом
И в пурпуре крови!
Опусти на землю
Взгляд Свой животворный!
И Ты знал страданье,
Сам был человеком,
Гроздию изжатой
Да над чашей гнева.

Сам в саду смиренно
Божью волю принял,
Пал на землю, словно
Сломанная лилья,
И лежал во прахе

В день крещения кровью,
На Отца взирая,
Как дитя, с любовью.

Ты – путь света к Богу,
Истина и сила.
Провозвестье мира
Сердцем этим было.
Ты есть пальма жизни
В огненной пустыне,
О, Христос, сидящий
У Его десницы!

Солнце без заката
Над Тобой сияет.
Дай мне на Табóре
Быть с Тобою рядом!
Будь мне утешеньем
В Гефсиманских нетях
И Твой свет увидеть
Дай в мгновенье смерти!

1820

*Перевод: 12/VIII-2012.,
6.15. – 7.30.*

Весенняя фантазия

На свете есть любовь. На всех устах она
Рождается пленительною песнью.
Она является и в красках, и в звучаньях,
И красота ее на всех наречьях та же.
По рощам, зеленеющим святыням,
Зефир блуждает и целует землю.
От поцелуев та приносит в мир цветы:
Они суть беспорочной любви дети.
И сами деревья с зеленой своей речью
К друг другу ощущают теплоту
И, о своей любви шепча в истомной дрожи,
Соприкасаются ветвями в поцелуях,
Когда их сумрак от всех глаз скрывает.
Цветы – те любят тоже, хотя и лишены
Умения сказать свою любовь друг другу.
В слезах росы, молчат они и смотрят,
Но и без слов друг друга понимают.
Из всех речей прекраснейшая та,
Которую находят те, что любят:
Когда взгляд говорит яснее, чем язык.
И сам ручей, что тростники ласкает,
Средь золота и пурпура заката
Вздыхает в своих песнях о любви.
Природа! Я постиг твоей души желанья,
Письмо цветов и птиц твоих язык.
Ты обратила к ним сияющее слово,
И в моем сердце то святое пламя,
Томившееся долго, будто птица,
Освобожденная из гибельных силков,
Взмывает ввысь, забыв тотчас о плене,
К пространствам своих песен и свободы.

И хоть в земных пустынях непонятны
Значенья песен тех, — их понимает Бог.
О вы, цветы! Мне хочется меж вами
Предаться восхитительным мечтаньям.
Ах, если б дать вам сердце человека,
Чтоб отклик на любовь свою найти!..
Так нежно, как детей прелестных чистота,
Ваш взгляд мне улыбается сквозь слезы.
О, ангелы, что неизменно юны!
Недолго длится ваша красота,
Но в гибели прекрасней ваша слава.
Однако... Смерти неподвластны вы
И только на покой в немую темноту
Отходите, когда осенний ветер злится.
Вы не желаете среди метаний жить,
Но лишь, словно дитя, играть между гармоний
Природы-матери. Когда нисходит гибель
На свежесть зеленеющей юдоли
В своей попытке жизнь преодолеть,
Вы закрываете глаза и тихо спите,
Прильнув спокойно к нежащей груди,
Пока не завершится бой, и жизни сила
Себя не явит в песне и сиянье.
Тогда вас ото сна Бог пробуждает.
Он посылает Май, чтоб прошептал вам мягко,
Что вновь весна царит под небесами
И время расцветать настало вновь для вас.
И с ликов ваших пелена спадает,
Когда вы ощущаете, как жизнь
Приятно прикасается к щекам,
Которые соперничают скромно
С пылающими розами восхода.
Я тоже не умру (так только скажут люди),

Но лишь вернусь домой, к создателю согласий,
Что обитает там, где в призрачной дали
Земля и небо кажутся едины.

1820

Перевод: 14-15 января 2013 г.

Голоса духа

По долам цветущим, по отрогам,
Берегом поющего ручья
За учителем, исполненным печали,
Следовал спокойно юный Флоренс,
Как за ночью следует рассвет.

Был учитель скорбен, обладая
Знанием глубинных языков –
Тех упорных, тихих, безнадежных,
На которых речь ведется до того,
Как уста произнесут хоть слово.

Он на камень мшистый опустился
И смотрел недвижимо на землю,
Как взирает после боя воин,
Истекая кровью, на то поле,
Где его любимый встретил смерть...
Рядом мальчик сел среди цветов –
Как улыбка радости, прекрасный.

И восстали голоса природы
Вокруг ангела блаженного, что их
Понимать не мог, и ни единый отзвук
Речи той, что в небесах он слышал,
Был не в силах шум тот заглушить.

Говорил утес: «И тебя скоро
Красота быть маленьким покинет.
Затверди ж, как человек взрослеет!
В розах утопало мое сердце,
Но они увяли, став лишь прахом.

Этот прах слагался вокруг сердца
И твердел. Так стал я столь высоким
И теперь вздымаюсь над землею
С облаками на своем челе».

И поток бурлящий обращался:
«В юности я был тебе подобен.
Мирным родником сиял в пустыне,
И усталый путник был мне рад,
Как он рад теперь твоей красе.
А моя душа незамутненно
Отражала небо, как и ты.
Ныне времени на то я не имею:

Я стал взрослым, и с ручьями слился,
Что от безмятежности меня
Увлекли в пространство смутной жизни.
Видишь ли, куда б я ни стремился,
Вкруг меня вздымается волною
Пена и тотчас же исчезает?
Вот моя заслуга! – мимолетность,
Как дела людские. И покоя
Мне не обрести, доколе не достигну
Своей цели – пропасти, куда
Должно мне сорваться и погибнуть».

Говорили к мальчику цветы,
Плача в увяданье по долине:

«Как и ты, мы были в нашем детстве.
Скрытые в бутонах, мы мечтали
О восторге света, что увидеть
Совсем скоро предстояло нам.
Мы не знали бурь, а ветер мая

Что-то нам шептал, слегка лаская.
Солнце, словно первая любовь,
Мягко грело нас и не томило.
Сонные, тянулись мы вверх, к свету...
Ныне солнце жжет, и холод убивает.
Временами прилетают пчелы,
Пьют наш мед и снова исчезают,
Оставляя ранеными нас.
Кратка жизнь цветов, но все ж скорее
Умирали мы, когда бы по ночам
Наши слезы нас не оживляли».

И учитель думал о минувшем,
Вспоминал о собственном расцвете
И от этих мыслей незаметно
Смахивал жемчужинку из глаз,
Прижимал к себе ученика,
Будто в нем он потерять боялся
Радость своих давних детских грез.
И так, плача, посмотрел он в небо,
Темное в спокойствии полночном,
Но ему сказали в ответ звезды:

«Почему ко праху обращаешь
Ты свой взор? И для чего внимаешь
Голосам низжайших тех созданий?
Посмотри, ведь ты подобен нам!
Путь твой длится выше облаков,
Выше солнца он искрится миром.
Посмотри, ты, как и мы! А время
Не властитель твой, но пленник, как для
нас,

Ты его единственный источник.
Потому внимай лишь тому гласу,

Что в тебе твой гений бессловесно
Поднимает, говоря о вечном;
Потому живи законом духа
Своего и света и стремись
К родине своей первоначальной!
Странствуй с миром так же, как и мы,
Ты своей возвышенной дорогой!
Странствуй с миром! И покоен будь:
Ведь ты тоже, как и мы, бессмертен».

1825

Перевод: 15/VII-2013., 18.25. – 21.50.

С АНГЛИЙСКОГО

Ральф Ходгсон

(1871 – 1962)

Тайна

Он взял меня за руку и подвел
К кусту роз в алом сиянье.
Он не открыл мне значенье свое,
Но розу одну Он дал мне.

Я не просил Его рассказать
Мне всю глубину Своей тайны.
Довольно розы, чтоб ощутить небеса,
Как этого Лика – для созерцанья.

Перевод: декабрь 2010 г.

Джозеф Мэри Планкетт

(1887 – 1916)

Я видел Его кровь на розе алой,
Искрились в небесах Его глаза,
И плоть Его снегами гор сияла,
И высь струилась, как Его слеза.

В любом цветке я видел Его лик,
А гром и пенье птиц – все это было
Лишь голосом Его; и скалы пролегли
Словами, высеченными Его силой.

И Он на каждую тропу ступал,
И слышно Его сердце в ритме моря.
Сплетен Его венец из каждого шипа,
И Крест Его есть дерево любое.

Перевод: декабрь 2010 г.

Джон Чарльз Эрл

(1850 – ?)

Вперед и вверх

Пересекаю долину, всхожу на откос.
Я крест несу, и несет крест меня.
Свет ведет к свету. Не сдержать слез
От радости долгожданного дня.
Последний подъем преодолен
После боли крутого отрога.
Миры света распахнуты передо мной,
И глубже я вижу глубины Бога.

Перевод: декабрь 2010 г.

Рэйчел Эннанд Тэйлор

(1876 – 1960)

Вопрос

Я видела, как Божий Сын проходит мимо
Все в том же венце терновом.
«О Боже, это не кончилось? – я спросила. –
Тебя ведут на распятие снова?»

Он бросил на меня взор страшный:
«Сей мир тебе не понятен?
Взгляни! Любая душа – Голгофа,
И в каждом грехе – распятие».

Перевод: декабрь 2010 г.

Ричард Доддридж Блэкмор

(1825 – 1900)

В последний час, когда жизни окончен бой,
Когда сердце тише, и в глазах мир другой,
И от страдания каждый член неживой, –
Остается лишь вера с одинокой душой.

Когда цели всей жизни воля не помнит,
И славу земную презрел разум сонный,
И стало имя свое почти незнакомым, –
Господня сила всю пустоту исполнит.

Когда последняя слеза пролита, и последний
вздых издан,
Когда последний ковчег у постели ждать
призван,
Когда мертвец покинут даже родными, –
Ангел Господень голову эту поднимет.

Ибо чистейшая радость и та угасает.
И гордость смиряется, и мощь исчезает,
И дружба крепчайшая ослабевает,
Но Божия слава во всем сияет.

Перевод: декабрь 2010 г.

Фредерик Джордж Скотт

(1861 – 1944)

Лишь слава Твоя, Всевышний, пусть концом всех
слов моих станет.
Она да пылает в деянии каждом и молитвы мои
наполняет,
Она да горит в глубинах души, пока тень моя не
истает.
Твоя слава, Всевышний, на грядущем рассвете
пусть воссияет.

Перевод: декабрь 2010 г.

Каждую ночь в пространстве глухом
Вижу я мир, незатронутый сном:
По небу вдаль, без пути и следа,
Призраки павших идут в никуда.*

Странные флаги над ними плывут,
Странные горны зловеще поют.
Лики и взоры их света полны,
Льющегося из ночной глубины.

Боль и усталость давно отошли,

* В стихотворении говорится о павших в Первую Мировую войну, в годы которой поэт служил капелланом.

Мир наступил на разрыве души.
Но позади них длится еще
Гибельной цели железный расчет.

Боже, царящий над нашей тоской,
Над бесконечной кровавой рекой,
Шли эти люди по глухому пути,
В доме Своем Ты их приюти.

Перевод: декабрь 2010 г.

Герман Хейджедорн

(1882 – 1964)

Молитва во время боя*

Боже, в этот момент смятения,
В ночь, что страхом объяла дух,
Лишь сохрани мое зрение
Зорким и чутким – слух,

Чтобы не слепо, не в ярости
Дело исполнить свое.
Лишь сохрани Ты ясными
Разум и сердце мое.

Перевод: декабрь 2010 г.

* Стихотворение написано в годы Первой Мировой войны.

Патрик Макджилл

(1889 – 1963)

Звездная шрапнель

(Лоос*)

Шрапнелью звезд полна высота
Над взорванным полем Лооса,
И звезды сияют на глади пруда
Вблизи искалеченных сосен.

Недолгую ясность хранят небеса,
Пока мглу не навеет ветер,
И свет не угаснет, как гаснут глаза
На этих просторах смерти.

Перевод: декабрь 2010 г.

* Лоос – местечко во Франции, где осенью 1915 года шли кровопролитные бои. Так, 25 сентября британская пехота численностью 15 тысяч человек двигалась через поле на окопы противника, представляя для него простую мишень. Восемь тысяч человек были убиты, и впечатление от сражения было таково, что, когда выжившие начали отступать, неприятель прекратил огонь.

Альфред Эдвард Хаусман

(1859 – 1936)

Ныне огни подернуты мглой,
И угасла каждая искра.
Что ж, оставь всех друзей, возьми посох свой
И начни путь неблизкий.

Нет для страха причин на этом пути.
Не смотри ни влево, ни вправо.
На пустынной дороге, что надо пройти,
Ничего больше нет, кроме мрака.

Перевод: декабрь 2010 г.

Уильям Александр Перси

(1885 – 1942)

Обертоны

Я слышал птицу на рассвете,
Что пела меж осенних крон –
Спокойно, будто все на свете
Давным-давно предreshено.

И каждый слышащий, мне мнится,
Внимал бы, голову склонив.
Но то была простая птица,
Одна в пространстве мертвых ив.

Перевод: декабрь 2010 г.

Гарольд Уиттер Байнер

(1881 – 1968)

Родные горы

Когда уйду, меня ты не зови
Мне чуждым именем: я не один из этих.
Скажу тебе, как в пропасти живых
По дому своему я тосковал до смерти.

По тем горам, где прежде я прошел,
И по ручьям, что отдавались в сердце,
Еще пред тем, как был я облечен
В плоть эту, ею стал и после был потерян...

И пусть не будет больше сердце жить.
Пусть не вернусь, – не говори иного,
Но лишь одно, как имя, ты скажи:
«Он где-то ищет свои горы снова».

Перевод: декабрь 2010 г.

Артур Хью Клаф

(1819 – 1861)

Не говори, что труд ничтожен
И что напрасна боль усилий.
Враг не побежден, не уничтожен,
И вещи те же, что и были.

А если вера – дым, то страхи мнимы:
Все б мглой сокрылось голубою.
Но враг уже почти настигнут,
Лишь ты один вдали от боя.

Когда волна, бессильно рушась,
Ни дюйма не приобретает,
Из дали чрез лоскутья суши
Вал неодолимый подступает.

И не в восточные лишь окна
Животворящий свет струится.
О, как неспешен свет с востока!
Но сзади день уже искрится.

Перевод: декабрь 2010 г.

Все хорошо

О чем бы ни мечтал ты, сомнениями измучен,
Храни мечту несказанной в груди.
И труд, и отдых, день худший и день лучший
Сменяться будут на твоём пути, –
Тогда как ветер надувает паруса,
Хотя путь корабля неизвестен в этом море.
Все будет хорошо, и сердце не терзай!
Хотя, что будет, и на каком просторе –
Не можем знать и рассказать не можем.
Назло всем опасеньям и страхам вопреки
Оно не станет тщетным и ничтожным.
... А ветер надувает паруса среди стихий,
Хотя путь корабля предвидеть невозможно.

Перевод: декабрь 2010 г.

Арчибальд Мак-Лейш

(1892 – 1982)

Вечность

Не сгущались здесь сумерки прежде,
И к утру не забрезжит рассвет.
Лишь сегодняшний день длится вечно,
Да ветер струится в траве.

И те дни, о которых мечтаю,
И те дни, что я в сердце храню,
Ветви груш белым сном осыпают
Сегодня, в безбрежный июнь.

И не будет угасания завтра
Во взволнованной ветром траве,
Как не было смерти здесь раньше
Под трепетом тихих ветвей.

Перевод: декабрь 2010 г.

Мэдисон Коуэйн

(1865 – 1914)

Покинутое

Дом на дерево трудно склонился,
Будто старец на верный костыль.
Ветер ночи смехом залился
Среди стен, обреченно-пустых.
Глухим мраком подернуто небо,
Краски мира погашены тьмой.
Звездный свет разливается слепо –
Бесконечный, пустынный, чужой.
Длятся шепоты в мертвом пространстве,
Вой тоскующий слышен вдали,
И, как призрак, белесой туманностью
Луна всходит над снами земли.

Перевод: декабрь 2010 г.

Стефен Крэйн

(1871 – 1900)

Голоса

Каждая крошечная искра была голосом –
Голосом сияния –
В недолгих песнях пурпурного, фиолетового,
зеленого, золотого...

Хор красок длился над водою,
И не колебались чарующие тени листвы,
И сосны замерли в горах.
Голубая ночь стала тишиной,
Когда хор красок зазвучал над водою
В недолгих песнях пурпурного, фиолетового,
зеленого, золотого.

Маленькие сияющие россыпи
На темной равнине вечера
Пели гимны Бога
И вечности, тогда как душа обретала покой.
Маленькие проповедники, маленькие
святые отцы,
Никто не усомнится в истинности вашего
гимна,
Когда удивительный хор звучит над водою
Песнями пурпурного, фиолетового,
зеленого, золотого.

Перевод: декабрь 2010 г.

Леон Геллерт

(1892 – 1977)

Чахоточный

Здесь его не увидят ни звезды, ни поле,
Ни друзья, ни деревья, ни тревожные волны.
«Дня три остается». – «Быть может, чуть боле», –
И белые тени скользят в изголовье.
«То был не свинец, не снаряда осколок,
Ни гаубиц ярость, но лишь легкий ветер:
Весенний озноб...» Его смерть стройным слогом
Не прославят поэты и мир не заметит.
Уход его был незапятнанным, тихим,
Небеспокоящим... Улыбаясь немного,
Он рукою махнул на прощанье из дымки,
Уходя в бесконечность светлой дорогой...
Веки чуть смежив, я видел, как он умирает,
И, сомкнув их совсем, я думал о Рае.

Перевод: 13/VIII-2013.

Чарльз Гамильтон Сорли

(1895 – 1915)

Святые склонялись пред Твоею душой...

Святые склонялись пред Твоею душой,
И поэты бледнели пред Твоей честью.
В начале дороги, которой Ты шел,
Мы стоим миллионами, чтоб идти в
неизвестность.

Когда-то Ты был незнакомцем, а мы
Пытались жить так, будто Ты не был с нами.
На каждой дороге распахнутой тьмы
Ныне мы видим знак Твой упрямый.

Знак, подобный тому в моем собственном крае –
Седому от наледи, что мне указал
Идти без сомнения к вершине той дальней,
Где холод впивается множеством жал
И тени скользят: в край чужой и туманный,
Который познать я когда-то желал.

Перевод: 31/VII-2013., 4.53. – 5.12.

Эдвард Карпентер

(1844 – 1929)

Видение любви

Ночь в объятиях друг у друга –
Довольных, преисполненных радостью,
Отдыхающих в глубинах темноты.
Внезапно разверзаются небеса, и является Он –
Тот, Кого ни одному смертному не дано видеть –
Ни одному смертному, обремененному мирским,
Ищущему преходящих вещей,
Не сумевшему избежать своей губительной
сущности.

Там, в краю Равенства, в мире
Ничем более не стесняемой Свободы,
Столпом величия над облаками,
Видимым тем, кто уходит туда,
Он, Предвечный, является.

Перевод: 12/VIII-2012., 23.55. – 00.10.

Марио Герада

Монах

Одинокие шаги
молодого монаха
отдаются в пустоте
старинных монастырских переходов.
Края одеянья
касаются пыли
древней мудрости
и новых мыслей.
На земле
остаются следы –
его, блуждающего
среди сдавливающей потребности
в любви,
ощущаемой кожей –
и не только духовно;
блуждающего
среди мудрости разума,
влечений тела,
устремления духа
и божественности души.

Перевод: 12/IX-2012., 1.00. – 1.06.

С ИТАЛЬЯНСКОГО

Ванни Негро

(р. 1926 г.)

Кантилена

Розе нельзя приказать –
можно лишь ожидать,
когда из тишины
появятся лепестки и шипы.

Роса и свет
повторяют звучанье,
сокрытое меж облаков
жизни:
дивная неторопливость.

Розы не покоряют.
Их ожидают –

не спеша.

Перевод: 31/VII-2013., 4.15.

День рождения

Не считать больше годы,
но только мгновения
краткого времени бабочки.
Начать жить,
сознавая в каждом дне
отдельную жизнь.
Относительность времени
наиболее определена.
Каждый день – как прощанье.
Каждый день – как уходящий друг.
Как урна праха и цветов,
которую жизнь преподносит
вечному бытию.

Перевод: 31/VII-2013., 4.20. – 4.30.

Франческо Марино

(р. 1982 г.)

Прометей

Я только созвучие ран,
стремящееся обнаружить
в земном пространстве
смысл и любовь.
Прометей своего времени,
я каждодневным усилием
создаю человека*
и, наказанный, кую цепь
собственного плена.
В смехотворном обществе
еще нахожу орлов,
готовых клевать мою печень.
И во тьме я молюсь
о ее воссоздании...

Перевод: 31/VII-2013., 4.40.

* Франческо Марино – монах-доминиканец

С ИСПАНСКОГО

Мариано Эскильор

(р. 1919 г.)

Поет бестревожный ветер,
исполненный радости жить,
а под моими ногами
расходятся лабиринты
невидимых острых камней.
Я желаю лишь только не видеть
холодящих звезд страха.
Сколько было любви,
вкушаемой из кубков сиянья,
и сколько боли теперь,
застывшей возле креста отсутствия!..

Вечное движется
пред нерушимым временем,
и ангел моего зова
пылает жизнью своею
в садах, возрожденных из пепла.

Горькая радость – родиться
меж облаков пустоты!

Только мой взгляд
может к другим говорить,
тогда как сам я сгораю
на белых иссушенных тропах,
не приглашенных испытать
живительной свежести гор.

Перевод: 23/VII-2013., 2.10. – 2.20.

С НЕМЕЦКОГО

Бенно фон Глётен

(1858 – 1887)

Мученик

Томится душа сокровенным желаньем,
А жизнь утверждает бесспорное «нет».
И это приму, будто светлое знанье,
Хотя суть его мертвенна, как у камней.

Сомнением полно кипение жил,
Но все ж от томления я отрекаюсь.
То удел каждой глубокой души:
Искать у камней жизнь, свободу и радость.

Перевод: 13/VIII-2013., 23.26. – 23.48.

Германн фон Линг

(1820 – 1905)

Красное и белое

И реет и реет в выси неясной
Красно-белое знамя –
Созвездье, над коим невластны
Сумрак, гроза и туманы.

Человечности тихое Слово
Над черною тучей сияет,
В смятении века глухого
Всех любяще оберегая.

Перевод: 13/VIII-2013., 22.50.

С ДАТСКОГО

Вальдемар Рёрдам

(1872 – 1946)

Приди и поцелуй меня...

Приди и поцелуй меня, пока что я не мертв!
Я чувствую всечасно, как мою душу полнит
Упрямой горечи неизъяснимый холод.
Приди и поцелуй меня, чтобы растаял лед!

Приди и мне позволь на этом скорбном ложе
Взглянуть в твои глаза и вслушаться в ту песнь
Весенней ясности ликующих небес,
С которой существо твое так явно схоже!

Приди и поцелуй меня! Придешь ли ты, друг мой?
Позволь мне ощутить еще раз перед смертью,
Что домом было мне тепло родного сердца
И станет им опять в той дали неземной.

До 1901 г.

Перевод: 13/VIII-2013., 1.15. – 1.33.

С ФРАНЦУЗСКОГО

Эмиль Блемон

(1839 – 1927)

Поздним вечером

Задержавшись над книгой за полночь,
Когда лампа бросает на стол светлый обруч,
А вдалеке, в тихом и темном Париже,
Эхо последних шагов становится тише и тише, –
Я отрываюсь от упоенья работой, словно от грезы.

Перевод: 9/IX-2012., 3.40.

С ЛАТИНСКОГО

Коммодиан

(сер. III в.)

О конце сего мира

Раздастся глас трубы, подобный реву зверя,
И тотчас небеса сокроет мрак гремющий.

И бросит взгляд Господь, что твердь вся
содрогнется,
И обратится Он, чтоб слышал целый мир:
«Я долго зло терпел. Теперь настал день гнева».
И будут крик и стон, и плач великий станет,
И теснота бесчестных, данных смерти...
Зачем же кормит мать, когда сгореть ей должно?

В пылании огня Господь придет судить,
И в смуте той лишь Божии спасутся.
И будет жар таков, что растворятся камни,
Сетями молний небо возгорится.
И кто бы ни бежал, тот гнева не минует,
Ни помощи не встретит, ни спасенья.

Восстанут в страшный год цари держав забытых,
Чтоб дать ответ за муки благоверных
И после быть сожженными в геенне,
Которой прежде истово служили.

Перевод: 20/IX-2013., 19.40. – 20.10.

С АРАМЕЙСКОГО

Эбед-Иисус Собенский

(ум. 1318 г.)

О разрушении мира и скончании века сего

День великий, день последний
Разум мой ввергает в страх,
Ибо мира покров бедный
Обратится в пыль и прах.

Сущность вечная созданьям
Даровала жизнь на миг,
Красоты Своей дыханьем
Убрав дух и внешность их.

Знанием высшим осиянный,
Знает Он Вселенной путь,
Знает время, когда тайна
Станет явной, внешней – суть.

Совершенен и прекрасен
Дом, что видим, но другой

Совершенней: светел, ясен,
Полон Божьей теплотой.

Юдоль временная скорбна
От несчастного труда,
А в сиянье того порта –
Мир и радость навсегда.

С трудом церковь человека
В славе здесь возведена,
Но ее в скончанье века
Скроют мрак и тишина.

Целый мир Ему покорен.
Этот мир идет к концу,
Чтоб исчезнуть каплей в море,
Покорившемся Отцу.

Покров мира, покров яркий
Будет пылью в Высший День.
Все исчезнет в полдень жаркий,
Как сместившаяся тень.

Вещей внешних сладость станет
Только горечью в тот час,
И исчезнут в смуте крайней
Духом мертвые сейчас.

Тот, кто Божьей Воле верен,
Чья душа стремится ввысь,
В преломляющейся сфере
Обретет иную жизнь.

Тот, кто знает суть творенья –
Прелесть высшей чистоты,
Тому чужды светотени
Преходящей красоты.

То, что кажется приятным –
Оболочек хрупкий груз,
В тот последний час истаёт
Паутиной на ветру.

Растворится сумрак тела,
Тяготящий зоркий дух;
Растворится пылью белой
Небо, канув в темноту.

И обманы внешних линий
Станут только пустотой,
Власть – бессильем, злато – глиной,
Мудрость века – слепотой.

Страшен станет храм забытый,
Как покойницкий притвор,
И по всей земле обжитой
Будет страх, как черный мор.

И раскроются могилы,
Отворится суть земли.
Будут живы те, что жили,
И мертвы, что слепо шли.

Велики дела Господни,
В проницании трудны,
Как под ясной гладью водной –
Тайна темной глубины.

Муж разумный близок к тайне,
Близок к сущности Отца.
Но когда вконец растает
Лед в беспмятных сердцах?

Оба мира, обе жизни
К благу созданы. Пусть свет
Воссияет в мире нижнем,
Чтобы в тот ввести сквозь смерть.

1290 г.

*Перевод: 25/IX-2013., 21.15 – 22.15.
26/IX-13., 20.45. – 22.00.*

СОДЕРЖАНИЕ

Пространство слова	7
--------------------------	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

2008

«В начале была боль, а после – Слово...»	11
На бездорожьях безверия	12
Посреди мира	13
Один	14
Благовестие	15
Тоска	16
«Мне каждый мертвый – брат...»	17
Теснота	18
Здесь	19
«Весь – вымаранная тетрадь...»	20
«Нет богатства большего, чем люди...»	21
Воскресение	22
Поэт	23
В храме	24
«Читателя, советчика, врача!»	25
Владикавказ	26
«Не умереть, а только омертветь...»	27
«Пока еще молюсь, со мною Адонай...»	28
«Людская полынь – горевое раздолье...»	29
«Я живу, как пою Аллилуйю из гроба...»	30
«Ты ночь безлунная, остывший мрак...»	31
«Утешь меня, родная Божья боль...»	32
Не остави	33
«Родина моя, пустой колодец...»	34
«... А одиночество – как отнятая вера...»	35
Сан Марко	36

2009

«Усмиренная смертью болезнь...»	37
Себе	38
«Душа моя – пустыня Божьей воли...»	39
«Одних имен звучащий “Символ веры”...»	40
«Вину перед Христом за крестную тоску...»	41
«Удостоенный чести Божьей...»	42
«Стоит к далекой вершине рваться...»	43
«Вера тяжка, как полет плети...»	44
«Минет Меня чаша сия...»	45
«Дай сил нам, Отец...»	46
Осетия	47
«Мой народ – страдальцы твои, Голгофа...»	48
Кавказ	49
«Триединство восславил...»	50
«Ждать, когда Всевышний призовет...»	51
«Прояви на нас Свою всемилость...»	52
Воздух мира	53
«Приняв веру в смерть...»	54
«Imagines mortis...»	55
«В начале дней...»	56
Боль Господня	57
«Нет в Боге одиночества людского...»	58
Сквозь боль	59
«Пред закрытыми глазами – бездна...»	60
«В пустыне земных усилий...»	61
«Не жалеть, не просить и верить...»	62
«Когда нет ничего, – есть Бог...»	63
«Увенчали тебя красной митрой...»	64
«Сорок семь лет...»	65
«Нет пророка и нет самарянина...»	66
«Палящая боль...»	67
«Мне хотелось бы быть садовником...»	68
«Я хочу ничего не чувствовать...»	69
«Начинался день...»	70
«Я не один, когда один...»	71
«Я словно дом с разбитыми окнами...»	72

Терек	73
«Жить в аскезе мысли...»	74
«Освобождая душу...»	75
«Скользит уток времени...»	76
«Образ жизни земной – этот желтый...»	77
«Тень весов из Страшного Суда...»	78
«Я хотел бы умереть во время молитвы...»	79
«Тело – образ смерти...»	80
«Мы – только слепцы...»	81
«“Кирие елейзон” в стуке сердца...»	82
«На жертвеннике мира...»	83
«Схожу на нет...»	84
«Все, что вижу...»	85
Сотворение	86
«Свечу, зажженную для молитвы...»	87
«Страх присутствует внутри...»	88
«Жизнь – как крик...»	89
Одиночество	90

2010

«Стук молотков на Голгофе...»	91
Verus Amor	92
«Явь...»	93
«Размытая глина толпы...»	94
«Асимптота жизни...»	95
«Задышаться собственным сердцем...»	96
«Что же, с Богом!...»	97
«Рыба памяти...»	98
«Серебристый ток чужой речи...»	99
«Я кожей прослеживаю...»	100
«Брат мой!...»	101
«Конец – в неверии...»	102
«Жизнь до смерти чужая...»	103
«Нет, смерть не разделяет...»	104
«Счастье...»	105
Боль	106

«Жизнь – отсроченная смерть...»	107
«С зоркостью живительной боли...»	108
«Мне нет места...»	109
«Мне тишина дороже брата...»	110
«Жизнь – длиною в молитву...»	111
«Все принимаю, как есть...»	112
«Небо выплеснуто помоями...»	113
Затишье	114
«Да будет жизнь...»	115
«Неутоляющее время исчезает...»	116
«За окном комнаты моего разума...»	117
«С каждым провалом сильнее...»	118
Слияние	119
Единение	120
Бичевание	121
«Голос в сумерках Голгофы...»	122
Абсолют	123
«Правдива только боль...»	124
«Наблюдать время...»	125
«Счастливым быть поэту не к лицу...»	126
Длительность (Петра)	127
«Время шумит...»	128
«И на крайнем обрыве хранимый...»	129
The Effort (на англ.)	130
«Жить, обнимая Твой крест...»	131
Слияние (II)	132
«То душа твоя...»	133
«Жить возможностью собственной жизни...»	134
Друг	135
«Не жить, но быть... О, Господи, дай силы!..»	136
«Я только мрак во мраке...»	137
«Умереть в объятиях креста...»	138
Моя жизнь	139
«В его присутствии, на высоте страданья...»	140

2011

Отъезд	141
--------------	-----

«“Когда-нибудь” и “никогда”...»	142
«Земную разрывая грудь...»	143
Понимание	144
«В людской пустыне, жаждущий и зрячий...»	145
«Сквозь слепящее пространство времени...»	146
Миг	147
Единство	148
«В людской пустыне гаснущее эхо...»	149
«“Мой брат!” – как эхо по воде...»	150
«В невинной крови – кровь Христова...»	151
«Мир сей – Авель...»	152
«Как за кладбищенской оградой...»	153
«В пространстве Божьем нет разлуки...»	154
Встреча с братом	155
«Все страшно в одиночестве, как в мраке...»	156
Врозь	157
«Лишь тишина умеет слушать...»	158
«День ото дня все глубже даль...»	159
«Душа моя – чужая боль!...»	160
«Усилие слова – понять...»	161
«Свет Божьей крови в воздухе разлит...»	162
‘Being homeless and cold’ (на англ.)	163
«В боли Явленный и Сущий...»	164
«Черный ветер с Голгофы веет...»	165
Сквозь пустоту	166
«Черные следы на белом древе...»	167
«Как слово с губ – в ответ на Слово...»	168
Знаю	169
«В зиянии боли...»	170
«Во тьме всевидящей – огонь...»	171
Вечное	172
Своеволие	173
«Черные тени на белой стене...»	174
«Душой так гибельно живой...»	175
«Всяк на земле бездомен...»	176
«Хочу только быть с Тобою...»	177
«Жизнь прервется на полуслове...»	178

«Быть зовущим усилием воли...»	179
«Одни начала хороши...»	180
Все проходит	181
«Жив тот, кто любит...»	182
«Мне жизнь твоя близка, как слезы...»	183

2012

«Как спуск во тьму, стучит живое сердце...»	184
«... И ни о чем не стоит говорить...»	185
«У края сил, сорвавшегося в синь...»	186
Образ твой	187
Сияния	188
The Fire of Thorns (<i>на англ.</i>)	190
Длющаяся боль (1910-е)	191
«Господне имя глубь хранит...»	192
Между	193
Гибель	194
‘Hvad är mitt hem?’ (<i>на швед.</i>)	195
Примирение	196
«Мне улыбаются с портретов короли...»	197
«А жизни нет, как тишины...»	198
Готический собор	199
«... Но вы, неизвестные братья мои...»	200
Усталость	201
«Мое неприметное небытие...»	202
Черви безверия	203
«Из груди исчерпанной – слова...»	204
De profundis	205
Бездомность	206
Больше ничего	207
«Река жизни...»	208
«Слова, как капли крови, стынут...»	209
Без братьев	210
Дань	211
La solitudine (<i>на итал.</i>)	212
«Плач полночный...»	213
«Не скорбите о тех, кто у Бога...»	214

Ночью	215
На краю	216
Сегодня	217
Предвидение	218
Имя	219
Листья падают	220

2013

Тихое	221
«Зрячая, всепомнящая глубь...»	222
Прошное	223
Близ гибели	224
Всё у Бога	225
‘E sia la Tua volontà’ (на итал.)	226
‘Proviene sol d'un dolore’ (на итал.)	227
Бой часов на кладбище	228
Ушедшие	229
К Неману	230
Древо	231
Уходя с кладбища	232
У могилы	233
«Будто спящие из Эфеса...»	234
Поэты	235
«Из пропастей отчаянного зова...»	236
«Что ты можешь, поэт?»	237
Впечатление от Органной сонаты Юлиуса Рёйбке на	
Псалом 94	238
Д.А.С. Мэкворту-Доулбену	239
«Был ли я миру незримым свидетелем?»	240
Тот, кто один	241
«Мой брат, для Бога сохрани мои молитвы...»	242

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

Небытие Цхинвала	245
Эхо молчания	251

Время смерти	267
Любящая теплота	275

ПЕРЕВОДЫ

Со шведского:

Эрик Юлиус Шьоберг	287
--------------------------	-----

С английского:

Ральф Ходгсон	296
Джозеф Мэри Планкетт	297
Джон Чарльз Эрл	298
Рэйчел Эннанд Тэйлор	299
Ричард Доддридж Блэкмор	300
Фредерик Джордж Скотт	301
Герман Хейджедорн	303
Патрик Макджилл	304
Альфред Эдвард Хаусман	305
Уильям Александр Перси	306
Гарольд Уиттер Байнер	307
Артур Хью Клаф	308
Арчибальд Мак-Лейш	310
Мэдисон Коуэйн	311
Стефен Крэйн	312
Леон Геллерт	313
Генри Кёрк Уайт	314
Чарльз Гамильтон Сорли	315
Эдвард Карпентер	316
Марио Герада	317

С итальянского:

Ванни Негро	318
Франческо Марино	320

С испанского:

Мариано Эскильор	321
------------------------	-----

С немецкого:

Бенно фон Глётен 323

Германн фон Линг 324

С датского:

Вальдемар Рёрдам 325

С французского:

Эмиль Блемон 326

С латинского:

Коммодиан 327

С арамейского:

Эбед-Иисус Собенский 329

Изображение на обложке: кладбище конца XIX – начала XX в. в Северной Осетии (Алагирский район, окрестности селения Лисри). Фото автора, 12 сентября 2012 г.

Ольга Кавецкая

ТОЛЬКО СЛОВО ЖИВЕТ

Дизайн и компьютерная верстка – автор

Заказ № 53 от 19.12.2013
Формат 84*108/16. Тираж 30 экз.

Цифровая типография "Принт-Копи"
г. Тверь, пр. Ленина 18/1, офис 11